

Глава 5. О чудесах, совпадениях и судьбе¹

Философы и теологи подходят к проблеме чуда с объективистских позиций, рассматривая его как исключительное событие, несовместимое с известным естественным порядком вещей, а значит, предполагающее вмешательство Бога или другой могущественной силы. Фольклористов интересуют рассказы о подобных явлениях, хранящиеся в коллективной памяти и представляющие собой важную часть традиционного фольклора. Рассказы этого типа относятся к жанру легенды (Аарне и Томпсон 1964: 254–284; Язон 1975: 42).

Как уже было сказано, большинство наших информантов – люди светские, не прибегающие к объяснению необычных явлений божественным вмешательством. Если рационально интерпретировать происшедшее не удастся, они говорят о чуде, понимаемом субъективно, как о чем-то поразительном, вызывающем восхищение. Одни информанты воздерживаются от комментариев, другие – пытаются предложить свое объяснение. Но все они, независимо от склонности к рефлексивности, признают, что события эти произвели на них незабываемое впечатление, а иногда и повлияли на дальнейшую жизнь.

Ни одна из историй, проанализированных в данной главе, не является в чистом виде иудейской или христианской легендой, хотя некоторые перекликаются с той или иной упомянутой традицией. Поскольку жизнь в новой стране существенно менее предсказуема, чем в стране исхода, многие события кажутся нарушением естественного порядка вещей. Рассказы о них возникали спонтанно, без всякого стимулирования с нашей стороны, отражая систему ценностей информантов и помогая им осмысливать эмигрантский опыт. По справедливому наблюдению Баузингера, «современная реальность, мир фактов, не продуцируют сказок. Но сказочные элементы выросли из реальности, а, следовательно, их и сегодня можно там отыскать» (Баузингер 1987: 13).

Наш корпус насчитывает 25 рассказов о вещих снах, счастливых совпадениях и чудесах, из которых 18 мы отобрали для данной главы. Каждый рассказ касается одного эпизода из жизни информантов, воспринимаемого как странный, поразительный или таинственный. Во всех рассказах точно указаны место и время событий, а также точные имена их участников. Поскольку речь идет о личных рассказах, в которых рассказчик и герой тождественны, то вопроса о достоверности сюжета не возникает. Вместо этого, – удивление или восхищение перед невероятностью события, т.е. эмоции, составляющие, по мнению Эллиота Оринга, *raison d'être* легенды как жанра. Легенда всегда заставляет слушателей заново осмыслить свое представление о мире, и, прежде всего, представление о границах естественного, о судьбе, предначертаниях и совпадениях (Оринг 1986: 126). Заметим, что именно нарративы о судьбе говорят об успешном решении ключевых эмигрантских проблем, в частности, финансовых, поиска работы, квартиры, и самое главное, рассказывают об обретении близких людей, будь-то потерявшие родственники или новые брачные партнеры.

Чудо в религиозном и нерелигиозном сознании

Бросается в глаза близость понятия «чудо» в иудаизме и христианстве. Согласно энциклопедии иудаизма, чудеса – это «необычные события, нарушающие известные законы природы и приписываемые Божественному вмешательству» (Вигодер 1989: 492). Это определение не многим отличается от того, которое дано в более раннем христианском источнике, в «Библейской энциклопедии», написанной православным богословом, архимандритом Никифором: «Чудеса суть дела, которые не могут быть сделаны ни силою, ни искусством человеческим, но только всемогущею силою Божиею» (Архимандрит Никифор 1990: 789)². Оба определения, как и все другие, найденные нами, подчеркивают божественную природу чуда. Заметим, что в иудаизме, как и в христианстве, чудеса нередко

трактуются как «сообщения» или «знаки». По мнению Аша, их целью является укрепление веры в повсеместное присутствие всемогущего Бога, способного спасти преданных ему людей от бед и страданий (Аш 1978: 28). Вместе с тем, необычайные события могут быть следствием необычайных совпадений (Голланд 1965: 43; Свинбурн 1970: 4). Чудо – событие исключительное, оказывающее огромное влияние на жизнь человека, видящего за ним силу, с собой непосредственно связанную (Аш 1978: 17). Свидетель чудесных событий не просто сообщает о них остальным, но и пытается объяснить происшедшее (Лармер 1988: 12, 75). С развитием науки и техники, неизмеримо расширившими возможности человека, представления о чуде претерпели определенные изменения. Чудесное нередко связывается теперь с экстрасенсорикой, телепатией и ясновидением, ставшими популярными в последние десятилетия. Несмотря на существенные отличия подобного объяснения от тех, которые приняты в богословской и философской литературе, именно оно особенно близко современному фольклору, популярному среди светских людей, и заметно в рассказах, публикуемых в данной главе.

Вещие сны

Исследования сна – область междисциплинарная. Его с разных точек зрения изучают такие науки, как физиология, психология, психиатрия, эволюционная биология. Изучение сна как нарратива началось сравнительно недавно. И сразу возник принципиальный вопрос: можно ли считать сон рассказом? С точки зрения Ханта, сон – это зрительно-пространственный образ, повествование о котором представляет собой прото-рассказ с квази-сюжетом. Даже в тех случаях, когда сон был аморфным, лишенным начала и конца в своем развитии, рассказчик стремится внести в него стройность, используя два основных метода – ассоциативный и расширительный (Хант 1989: 177–178). Подобно Ханту, признает сходство рассказа со сном и Стивенс, отмечая параллелизм их сим-

волики и функций: «Сны и рассказы – это мосты между внутренней и внешними сферами, между я и средой, объединяющие их в ментальной и более точной переключке» (Стивенс 1995: 157). Стэйтс, в отличие от них, отказывает рассказам о снах в праве считаться рассказами в полном смысле этого слова, поскольку они лишены экспозиции и ясной концовки, перегружены пробелами и резкими сменами картин (Стэйтс 1993: 74–76). Вместе с тем, он не отрицает определенной стабильности снов, проявляющейся в их функциях, система которых в общем виде близка той, что была сформулирована Проппом для жанра волшебной сказки (Стэйтс 1993: 93–95, 102). Думается, что позиция Ханта и Стивенса более обоснована. В качестве дополнительного аргумента укажем на то, что рассказы о снах, в отличие от снов как таковых, рассчитаны на определенную аудиторию слушателей, в которой они приводятся в целях общения, а также морального и эстетического воздействия. Это особенно важно, когда слушателями снов являются не психотерапевт или психолог, а родственники, друзья и знакомые, которых рассказ о сне призван удивить, развлечь или испугать, став аргументом в беседе. Подобная ситуация представляет собой неформальное общение и неотличима от тех встреч, во время которых рассказывают анекдоты и городские легенды.

Рассказы о снах уже рассматривались фольклористами как особый жанр и в России, и на Западе (см. например, Веселова 2002; Кайвола-Брегенхой 1993; Лурье 2002; Панченко 2002; Разумова 2001; Толстой 1993).

Кайвола-Брегенхой подчеркнула коллективный характер снов, их зависимость от среды и условий жизни, от возраста, пола и места человека в социальной иерархии. Изменение условий жизни и социального статуса влечет за собой изменение в характере снов. Роль снов и, соответственно, рассказов о них в разных культурах различна. Так, например, для американских индейцев, живущих в бассейне реки Колорадо, сны – важнее реальности, а их интерпретация воздействует на жизнедеятельность людей. Филиппинские негры считают сны равнозначными бодрствованию, а

обе реальности взаимосвязанными и взаимозависимыми. И, наконец, в культуре третьего типа, например, финской, бодрствование несравненно важнее сна, понимаемого как бледное и нечеткое отражение реальных событий (Кайвола-Брегенхой 1993).

Анализируя структуру рассказов о снах в славянской народной традиции, Толстой выделил пять представлений, ярко отразившихся в фольклоре:

1. Сон противопоставляется не-сну, яви, повседневной, обычной жизни;
2. Сон – перевернутая явь, явь наизнанку, обратная, повседневно не зримая сторона жизни; сон – видимый фрагмент обычно невидимой «параллельной» жизни;
3. Сон как смерть. Сон равносителен смерти. Как смерть, по народным представлениям, не является концом жизни, а лишь переходом ее в другое состояние, так и сон есть временный переход в другое состояние, в «параллельную жизнь»; сон – своего рода «обмирание»;
4. Сон как «тот» свет. Сон – посещение «того» света. Отсюда во сне естественное, как правило, вполне обыденное, общение с людьми, с близкими (обстановка общения, при этом, обычно «как на этом свете»). Сон – это открытие границы между «этим» и «тем» светом;
5. Сон – это также открытие границы между настоящим и будущим и в то же время настоящим и прошедшим. Отсюда восприятие сна как предсказания, предзнаменования, пророчества, отсюда вера в вещий смысл снов» (Толстой 1993: 91).

В то время как Толстой проанализировал роль снов в традиционном фольклоре, Разумова изучала их в контексте жизни современной городской и сельской семьи. Подобно Кайвола-Брегенхой, она акцентировала коммуникативные функции рассказов о снах, передающихся во время семейных встреч и способствующих созданию хорошей психологической обстановки (Кайвола-Брегенхой 1993: 216; Разумова 2001: 86).

В рассказах о снах, приснившихся нашим информантам задолго до интервью, ясно прослеживается связь с мифом, уже отмеченная в научной литературе. В отличие от Тедлока, изучавшего мифы, включающие в себя сны (Тедлок 1999), мы рассматриваем сны, инкорпорированные в личные рассказы. В обоих случаях сны, приснившиеся в прошлом, мифологизируются. Наши информанты воспринимают свои сны как вещи и не устают удивляться точности предсказания будущего эмигрантского опыта, подчеркивают, что образы и события, приснившиеся им, не были им предварительно известны. Три примера, приведенные ниже, совмещают в себе элементы ландшафтных и вещих снов, представляющих собой самые популярные типы данного жанра (Стивенс 1995: 266–268; 273–274; Кайвола-Брегенхой 1993: 218). Анализируя прогностические сны, Стивенс, со ссылкой на Аристотеля и Цицерона, приходит к выводу, что во сне человек создает идеи и образы, которые впоследствии начинают определять его реальные действия. Многочисленность снов практически гарантирует исполнение какой-то части из них. «В вещих снах дело обстоит так же, как и с чудесным исцелением: один успех перевешивает тысячу провалов» (Стивенс 1995: 22). Аналогичное отношение к вещим снам отличает и Криппнера. По его мнению, достоверной эмпирической базы, подтверждающей идею телепатических снов, не существует, что не отменяет распространенности множества рассказов о таковых. Самый факт широкого распространения этих рассказов мешает оценивать рассказчиков как лжецов или психопатов (Криппнер 1993: 613).

Тамара 3., 51 ИАФР 22121

Но о самом Израиле, как о климатической зоне, там, ну я так немножечко только по географии. Не было возможности сильно изучать. Но буквально перед отъездом за пару дней, наверное, я не знаю, за короткое время, мне приснился сон, и я его помню до сих пор. Что я не представляла Израиля, но во сне я его увидела. И вы знаете, и вот, как оно действительно. И природа, вот это всё, пальмы, и площадь, всё.

Вот как-то вот и действительно, и я проснулась и говорю: «Знаете, я видела сегодня Израиль во сне. Неужели он в самом деле такой?»

(...)

Интервьюер: А в Вашем сне все было красиво и зелено?

Тамара: Там не то, что было красиво и зелено. Там просто было, пейзаж просто был один. Да, там было красиво, чисто. Но это был сон (*смеется*).

Тамарин рассказ статичен, лишен фабулы и действующих лиц. Да и сама Тамара в нем не участвует, а словно наблюдает со стороны. И вместе с тем, впечатление, произведенное сном, было огромным из-за яркости зрительных образов. Отметим, что телевидение – это Тамарин любимый вид отдыха, а, следовательно, для нее органична роль пассивного наблюдателя. Несмотря на отсутствие сюжета, сон воспринят в контексте предэмиграционных ассоциаций и несет положительный заряд. Зрительные образы не детализированы, но сомнения в том, что это – Израиль, – у рассказчицы не возникает. Как ясно из текста, она тут же поделилась впечатлениями с домашними, считая сон хорошим предзнаменованием.

К следующему фрагменту требуется предварительное пояснение. Перед нами рассказ о трех снах, включенный в групповое интервью и записанный в естественной ситуации. Это была встреча близких людей, на которой интервьюер присутствовала в качестве гостыи. Хозяевами дома были три поколения одной семьи. К моменту интервью среднее поколение, семейная пара, Александр и Виктория, уже жили в США, куда реэмигрировали в 1996 г., после шестилетнего пребывания в Израиле. Их дочь, Лидия, последовала за родителями, но двумя годами позднее вернулась в Израиль по личным причинам, что привело к семейному конфликту. Интервью было записано через несколько месяцев после ее возвращения, когда события недавнего прошлого были свежи в памяти каждого. Приехав на несколько недель навестить родителей и дочь,

Александр и Виктория устроили праздничный вечер, на который пригласили близких друзей. Интервью никто не планировал. Разговор об эмиграции возник, как это часто бывает, спонтанно, а интервьюер робко попросила разрешения записать беседу. Хозяева охотно согласились ответить на любые вопросы, но не по отдельности, а вместе, чтобы насладиться общими воспоминаниями. Запись проходила в гостиной, где все собрались за празднично накрытым столом, в дружелюбной и свободной обстановке без тени смущения. Подчеркнем, что порой рассказчики лишь бегло упоминали факты, полагаясь на фоновые знания интервьюера.

Александр А., 43, Виктория А., 43 и Лидия А. 21 (ИАФР 22108 и 22109)

Александр: Ну, что, начать, как у Пушкина: «И снится Тане сон...» Ну, мне вообще очень редко снятся сны, то есть сны, которые я помню. То есть я утром просыпаюсь, у меня голова абсолютно чистая. То есть, что мне утром снилось, чего мне снилось, абсолютно, совершенно. Да, я вот вам рассказывал, что мы в этот, с Лидой ездили, вот, в Канаду, куда я там в *эмёрдженси* (англицизм: здесь, «экстренная ситуация») залетел. Ну вот. Станным образом все связано. Короче, я просыпаюсь и помню, я помню, что вот у меня перед глазами такая картина: какая-то там вода, какая-то карта дорог, какие-то, типа заливчика или еще что-то, и слово. Как сейчас помню, слово «*муди*», да. Да, *муди*. Я еще встал, жена говорит: «Чё ты встал?» Я говорю: «Я пойду». Я ей ничего не сказал. Я ей ничего не сказал. Я пошел, на самом деле к компьютеру, открыл компьютер, включился к Интернету, набрал это слово. Есть *сёрч* (русифицированный англицизм: «поиск»), и начал искать. Нашел. Оказывается, у нас там невдалеке есть *Муди-Роуд*. Вот. Вика говорит: «Вот, ты, наверное, видел, и вот тебе там, каким-то образом это «*муди*» приснилось. И потом, вот, ну, и потом, через некоторое время, вот, значит, моя дочь сказала, что ей надо, так сказать, ехать. Очень долгая история, она сказала, что ей надо...

Лидия: В тот же самый день...

Виктория: Ну, это ладно, нет. А ты же еще на карте находил, кроме...

Александр: Неважно. Я ничего на карте не находил. Я находил какой-то, какое-то еще местечко, что-то в Канаде, написано было. *Муди*, там. Ну, местечко, местечко в Канаде. Дальше, так сказать, моя дочь заявляет, через некоторое время, что ей надо ехать в Израиль. А у нас кончается виза. И мы, значит, её там надо продолжать. И, в общем, наш адвокат говорит, что лучше всего ехать в Ванкувер, что там в один день делается эта виза. В общем, мы с ней едем в Ванкувер. Вот. И я там, я говорю: «Давай поедем по городу». Взяли экскурсию по городу. Вот. Купили, так сказать, купили какую-то там карту! Ну, она такая, с двух сторон карта. Вот ездим, он там чего-то показывает, все. Вот. Потом куда-то подъезжаем, я, значит, переворачиваю эту карту...(…) И обалдел. Я вспоминаю, это вижу, такая же карта, в конце, значит, этот залив, и написано: *Муди-порт*. Я никогда в жизни не знал этого *Муди-порта* там. Что это? С точки зрения научной такие совпадения, так сказать, невозможны вообще.

Виктория: А Лида сидела рядом. «Я, – говорит, – сижу и вижу: папа вдруг изменился в лице».

Лидия: У него уже глаза вот так смотрят. Глаза вот так вот раскрылись, и он на это смотрит (имитирует мимику отца).

(…)

Лидия: И приснился мне сон. Первая часть сна были какие-то дикие приключения, из которых я не помнила вообще ничего. Но кончились они тем, что я причаливаю, мы причаливаем на корабле к острову. На острове входим в какой-то лабиринт. Вот мы идем, какие-то проходы каменные, идем. И здесь какой-то коридор еще отходит. И входим на площадь. И я очень хорошо помню описание этой площади, всё. У меня там тоже что-то происходит. Потом я с этой площади выхожу, сажусь на автобус, еду. Еду. Схожу на какой-то остановке вместе с папой. И остановка эта в Сан-Франциско. Остановка эта в Сан-Франциско. Схожу вместе с папой, у нас с ним происходит какое-то, что-то, ну, какое-то

недоразумение. Папа остается там. Я сажусь на автобус, приезжаю обратно... (наложение голосов) Я проснулась, когда с утра...

Виктория: И ничего нам не рассказала?

Лидия: Нет, я все рассказала, все рассказала.

Виктория: И про площадь?

Лидия: И про площадь рассказала. А, нет, я, когда проснулась, ничего не рассказала. А через какое-то время мы поехали в Акко.

Виктория: Первая наша экскурсия была, вместе с группой из *ульпана*.

Лидия: Никакой группы из *ульпана* там и не было.

Александр: Нет, это мы вместе.

Лидия: Мы сами поехали.

Виктория: Сами поехали?

Лидия: Сами поехали в Акко. И вот идем мы, значит, идем по каменному, там такой в старом городе...

Виктория: Набережная, потом такие своды.

Лидия: Да, под каменными сводами проходим. И я как бы вижу, что вот это вот, я иду спереди, а во сне вот точно было такое место, только я вот сбоку шла. И я говорю: «Мам, вот мы сейчас завернем, и там будет площадь, и на ней будут вот такие вот арки. И там будет, значит, свисать такой плющ. И посередине колодец, и из-за него мечеть будет видна». Ну, мы входим – и там такая же площадь (наложение голосов). И я маме рассказываю, что, вот, мне снился такой сон. И, к счастью, рассказала вторую часть сна. Ну, так ещё, к слову рассказала, что потом-то мне приснилось то-то и то-то. И долго вообще я вторую часть сна, конечно, помнила, но мы ей никакого значения не придавали. И уже, когда мы приехали в Америку, через, по-моему, через год или через два, я вспомнила опять этот сон, и меня осенило.

Виктория: Нет, ну, мы, я помню тогда, когда мы идем по этому коридору, под сводами, вот перед выходом на эту, вот, внутреннюю площадь. Как называется такая площадь в арабском городе? Вот эта вот, с этими?

Александр: Караван-сарай.

Виктория: Караван-сарай. И Лида вдруг говорит: «Я знаю, что сейчас будет. Мы сейчас выйдем». И мы с Сашей говорим: «Откуда ты, с чего ты взяла, что мы сейчас выйдем на площадь?» И вдруг мы выходим на площадь. Лида говорит: «Да. Вот я знаю, вот тут эта площадь. Вот такая, и там должно быть это, это». Мы стоим, оглядываемся, и вот там. То есть мы были настолько вообще потрясены, потому что, именно, она сказала до того, как мы вышли на площадь. И мы в этом Акко были в первый раз.

В данном случае, ни один из рассказчиков не нуждался в поддержке аудитории, поскольку время уже «доказало» прогностическую функцию снов. Особое впечатление на сновидцев произвела их зрительная конкретность и точность, что и послужило отправной точкой для рассказа. Спустя несколько лет после описываемых снов информанты хорошо помнили и сами сны, и следовавшие за ними события, подтвердившие увиденную «правду».

Александр начал свой рассказ с аллюзии на сон Татьяны из «Евгения Онегина», настроив слушателей на слегка иронический лад. Вместе с тем, именно в целом скептическое отношение к вещам снам, характерное для Александра, ориентированного на научную картину мира, парадоксальным образом усилило его эффект, переведя произошедшее в разряд экстраординарного. Заметим, что попытка найти научное объяснение сверхъестественным или пограничным явлениям типична для современной светской культуры, что проявляется не только при толковании снов, но и в таких фольклорных жанрах, как, например, городская легенда (Филалова 1998). Сон Александра лишен событий и действующих лиц, а его центральным образом оказывается карта с выделенным на ней словом *Муди*. Описание места отсутствует, хоть его существование и не подвергается сомнению, что позволяет классифицировать образ как псевдопейзаж. Важное место в отрывке занимает реакция рассказчика на сон, как немедленная, после пробуждения, так и последующая, связанная с реальным словом *Муди* на реаль-

ной карте, увиденным в присутствии свидетеля. Рассказ о сне и меморат сливаются воедино.

Сон Лидии разнообразнее, чем те, что приснились Тамаре и Александру: море, остров, городской пейзаж с площадью, который она, позднее, отождествила с увиденным в Акко. Намеком отмечены взаимоотношения с отцом и четко обозначены события и действия: причаливание, посадка в автобус, прибытие в Сан-Франциско и немедленное возвращение. Рассказчица сводит воедино два отдаленных места, связанных с историей ее эмиграции, – Израиль и США, а размытые образы сна впоследствии ретроспективно конкретизируются с учетом последующих реальных событий. Серия картин разбивается на обособленные эпизоды, каждый из которых получает собственное символическое значение, объясняемое с опорой на разные периоды из жизни Лидии. Сходство площади в Акко с площадью, увиденной во сне, обнаруживается относительно быстро, а «недоразумение» в отношениях с отцом проясняется гораздо позднее. И это неслучайно. По справедливому наблюдению Лурье и Веселовой, характерным элементом рассказов о сбывшихся вещих снах является их припоминание постфактум, то есть после того, как их достоверность подтверждена действительностью (Веселова 2002:172; Лурье 2002: 40). Эпизод с узнаванием площади описан подробно с участием двух других информантов, а сцена расставания лишь упомянута. Очевидно, по мнению Лидии, вещая функция отрывка несомненна для слушателей, а потому в комментариях не нуждалась. Спустя два года после интервью Лидия вышла замуж и вместе с мужем покинула Израиль, воссоединившись с живущими в Сан-Франциско родителями. К сожалению, нам не известно, рассказывает ли она теперь этот сон и, если да, в какой модификации.

Стремясь повысить доверие слушателей, рассказчики подчеркивают, что рассказали близким свой сон сразу после пробуждения, еще до того, как его провидческая функция стала очевидной. Все процитированные сны, независимо от возраста сновидцев, ассоциируются с новым этапом жизни и в этом подобны обряду

посвящения. Согласно Стивенсу, сны, подобно мифам, рассказам и сказкам, свидетельствуют о том, что посвящение совершилось (Стивенс 1995: 159). Несмотря на отсутствие в процитированных рассказах фантастических образов, отсутствие полноценного объяснения происшедшему само по себе предполагает нарушение естественных законов природы. Заметим, что никто из информантов не обратился к сонникам с целью толкования сна, поскольку сонники практически вышли из употребления в современной городской культуре.

Процитированные рассказы лишь косвенно связаны с восприятием снов в иудейской или христианской культурных традициях (Идель 1999: 235–251; Стромса 1999: 189–212; Хазан-Рокем 1999: 213–232). И в иудаизме, и в христианстве сны перестали считаться вещами после завершения создания канона. Более того, вера в их прогностический характер стала объектом критики. Так, например, завершает Архимандрит Никифор статью о сне и сновидениях: «В заключение заметим, что так как полное и совершенное откровение воли Божьей начертано для всех нас в Евангелии, то всякая вера в сновидения, будто бы предвещающие будущие события, неразумна и обманчива, и что все попытки усвоить себе возможность истолкования оных должны считаться в высокой степени греховными и безрассудными» (Архимандрит Никифор 1990: 664). Вещие сны, заклеянные официальным иудаизмом как языческие и идолопоклоннические, а официальным христианством как внушенные сатаной, были вытеснены в фольклор, где рассказы о них являются неременной частью народной религиозности.

Не все сны мифологизируются. Люди рассказывают о снах с целостным сюжетом или о тех, которые содержат «интересные», в том числе фантастические мотивы. В ряде случаев рассказы о снах приводятся как свидетельство психологического состояния человека, будь то депрессия, ностальгия, восхищение или опустошение. И все же фольклоризируются не они, а именно «вещие» сны, содержащие тайное знание о событиях, которым еще только суждено произойти (Разумова 2001: 86). Наши современники, вы-

росшие в СССР, как правило, считают веру в «вещие» сны суеверием, а реальность жизни более важной, чем откровения сна. Вместе с тем, для многих из них сны открывают окно в непознанный иррациональный мир, не исключаящий чудо.

Его величество Случай в эмигрантских судьбах

В отличие от понятия «чудо», неотделимого от религиозного мировоззрения, понятие «судьба» коренится в языческой мифологии и обязательно отражено в соответствующих энциклопедиях (см. например, Белл 1982: 83; Карев 1982: 471–474; Кеннеди 1998: 133; Толстая 1995: 370–371). В энциклопедии иудаизма, напротив, статьи о судьбе нет, вместо нее – статьи о «предначертании», «провидении» и «свободе воли», рассматривающие Божественные предписания и свободу человеческого выбора (Вигодер 1989). Нет статьи о судьбе и в энциклопедиях христианства (Архимандрит Никифор 1990; Нустрем 2000).

Понятие «судьба» претерпело немало изменений за свою многовековую историю и неодинаково в представлении разных народов (Вежбицка 1992). Вместе с тем, существуют общие признаки понятия «судьба», характерные для народной философии, а именно, это «представление о непостижимой силе, действием которой обусловлены как отдельные события, так и вся жизнь человека (и в более широком смысле, – социального коллектива)» (Карев 1982: 471). В славянской мифологии судьба представляется окончательным приговором, неподвластным человеческой воле. Попытки перехитрить судьбу обречены на поражение (Ковшова 1994: 142; Никитина 1994: 132–133; Толстая 1994: 146). В отличие от других культур, русское понятие «судьба» включает в себя внешнюю силу, источником которой могут быть и другие люди (тирания, политическое давление), а не только сверхъестественные силы (Вежбицка 1992: 69). Иудаизм отнюдь не исключает свободы человеческого выбора: правильный выбор может отвести предна-

значение, включая предначертанную смерть, что широко отразилось в еврейском фольклоре. Выделены специальные еврейские экотипы, дополняющие классификацию Аарне-Томпсона, 934*F «Милосердие спасает от смерти» (Шенхар 1982: 56–65); 934*G «Избавление юноши от предначертанной смерти в свадебную ночь»; 934* В-*А «Счастливое избавление от смерти», причем большое количество легенд данных подтипов представлено в Израильском архиве фольклорного рассказа имени Д. Ноя.

Несмотря на детерминированность понятия судьба, оно отнюдь не чуждо понятию «случай». Древнегреческая богиня Тихе, равно как и древнеримская Фортуна символизировали судьбу, а на определенном этапе развития мифологических представлений – случайное и предначертанное одновременно. Топоров подчеркивает взаимосвязанность судьбы и случая: «Метафоричность этих двух русских слов в отношении передаваемых ими понятий (...) не препятствует пониманию их “подлинного” (неметафорического) смысла – НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ, или абсолютный детерминизм (и, следовательно, потенциально полная программированность и предсказуемость) и абсолютный индетерминизм (и, значит, максимальная неопределенность, произвольность, непредсказуемость) как обозначение двух полюсов, управляющих всем, что происходит (как “устанавливается”, так и “случается”) в мире и, соответственно, что есть в нем, что выступает как его “полный состав”» (Топоров 1994: 38). Каждому приходится сталкиваться с судьбой, каждый может выиграть, воспользовавшись случаем.

Вера в удачу и в силу случая отразилась в русской фразеологии, частично восходящей к художественной литературе. Так, например, Печорину принадлежит ставшая крылатой фраза: «Натура–дура, судьба–индейка, а жизнь копейка!» (Лермонтов 1969: 318). Подобное отношение к судьбе выражено и в стихотворении Соколова «Шумел, горел пожар московский», написанном в 1850 г. и посвященном пожару 1812 года. Стихотворение это стало широко известным в 1912 г. в период празднования столетнего юбилея

победы над Наполеоном (Боровиков 2003). Оно стало народной песней, что привело к появлению вариантов, наиболее известный из которых заканчивается так:

Судьба играет человеком
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без следа.

Ильф и Петров перефразировали слова этой песни в «Золотом теленке»: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе» (1961: 262). И оригинал и парафраз широко цитируются в речи безотносительно к первоисточникам. Фатализм и зависимость от силы судьбы отразились во многих оборотах и восклицаниях: судьбоносное решение; благодарить судьбу; искушать судьбу; решается (чья-то) судьба; какими судьбами? Не судьба!

Вместе с тем, в современной речи широко употребляются и обороты, демонстрирующие почтение к счастливому случаю: «Госпожа Удача» и «Его Величество Случай». Их можно услышать не только в разговорах, но и в средствах массовой информации, в кино и в песнях. Популярность этих выражений особенно любопытна в свете попыток советских властей создать собственную мифологию, которая бы вытеснила народные верования. Одна из важнейших тем советской мифологии – это власть человека над природой, обстоятельствами и над собственной жизнью. Предопределение стало связываться не с божественным началом, а исключительно с творчеством основателей марксизма-ленинизма (Мокиенко и Никитина 1998: 470, 664). В то время как в славянской мифологии судьба – это сила, управляющая человеческой жизнью, в советской мифологии человек становится хозяином собственной судьбы. Даже понятие «чудо» претерпевает изменения, ассоциируясь теперь не с божественным вмешательством, а с действиями и волей человека. Стало привычным говорить о «чудесах ума», «чудесах искусства» и даже о «чудесах трудового героизма».

Рассказы, представленные в этой главе, характеризуются эклектизмом в восприятии нашими информантами таких понятий как «судьба», «предначертание», «случай» и «чудо». Они размыты и взаимозаменяемы. Приняв решение об эмиграции, люди чувствовали, что бросают вызов судьбе. Но, став эмигрантами, оказались во власти запутанных событий, не зависящих от их воли. И только счастливому случаю было под силу изменить власть судьбы.

Группируя рассказы о случае, мы попытались условно разделить их в зависимости от темы (поиск жилья, работы, близких людей, денег и так далее), хотя условность такой рубрикации очевидна. В жизни иммигрантов все взаимосвязано и переплетено. Решения, принимаемые наугад, нередко определяют дальнейшее течение событий, поражение может обернуться успехом, а успех – поражением. Впрочем, рассказы говорят сами за себя.

Случай в определении места жительства

В 1990-е годы израильское правительство, как уже известно читателям, разработало и применило на практике так называемую систему прямой абсорбции. Едва сойдя с трапа самолета или корабля, иммигранты получали на руки определенную сумму, включающую деньги на еду, на первичные расходы и на съем квартиры, а также бесплатное такси, которое должно было довезти их вместе с ручным багажом по любому названному ими адресу в любой точке Израиля. Тех, у кого не было ни родственников, ни знакомых, поселяли в убогих гостиницах, каждый день пребывания в которых непосильной ношей ложился на бюджет. По мнению Цфадии (2000), многие выбрали города развития, поскольку не в силах были оплачивать съем жилья в центре страны. Думается, однако, что выбор того или иного места жительства с учетом реальных финансовых возможностей, например, съем/покупка квартиры в новом доме в городе развития или подержанной в иерусалимском, тель-авивском, или хайфском районах бедноты (Гонен 1998), – дело более позднее. Рассказы свидетельствуют о том, что

в момент приезда, главным, а зачастую, единственным основанием выбора города было наличие там знакомых, согласных заранее снять квартиру или пустить на день-два погостить. И сбой в ожиданиях обрушивался на эмигрантов страшным психологическим ударом.

Тамара З., 51, ИАФР 22120

Интервьюер: Вы сразу в Хайфу попали?

Тамара: Ну, тут у нас получилось немножечко недоразумение, мы должны были в Иерусалим ехать. И мы уже везде на багаже и на баулах написали: Иерусалим. Но в последний момент вот так получилось, когда я уже позвонила из аэропорта, что они нас не могут принять.

Интервьюер: Это родственники или знакомые?

Тамара: Это знакомые, как родственники, хотя перед этим они нам звонили и говорили, что нам квартира стоит уже, всё, не знаю. Я по сей день не знаю, не вникала в подробности.

Интервьюер: Продолжаете общаться?

Тамара: Да, да. Они потом падали на колени. Всё, что так получилось. Это от нас не зависело. Ну, это уже...

Интервьюер: Прошрое.

Тамара: Прошрое, и, слава богу, что мы, так все получилось. И мы в Израиле, это, что мы не в Иерусалиме. Вот, ну, а мы поехали, когда мы оформляли багаж, когда в Житомире отправляли, так мы там познакомились с одной семьей, буквально, мы были очень мало знакомы, и они тоже багаж отправляли и просили, что, если у нас будет место, вложить. Ну, мы так это вложили, эти вещи. И они приехали за неделю или за две раньше нас. У них дочка уже тут была давно. И они нам дали телефон этой дочки, просто, что, когда за багажом приехать. Но так как получилось, что мы уже не можем ехать в Иерусалим, я так и взяла и позвонила им – так и так. Ну, они сказали: «Приезжайте к нам, мы вас ждём». Ну, это мы утром прибыли в порт, в аэропорт, а в 10 вечера только приехали в Хайфу. Ну и так всё тоже было быстро-быстро. Квартиру сначала нашли не очень хорошую. Ну, потому что у нас не было выбора. Никого не было, что-

бы нас принять. У чужих людей мы же не могли долго быть. Одну ночь переночевали – и всё. Ну, мы так жили всей семьёй, 9 человек, 3 семьи жили вместе год.

Эмма Р., 56, ИАФР 22058

Эмма: Ну, так случилось, что мы не поехали в Хайфу (пауза). Случайно, это дело случая.

Интервьюер: Расскажите, если можно.

Эмма: Как это было?

Интервьюер: Да.

Эмма: Ну, это исключительно из-за нашего идиотизма, из-за нашего стрессового состояния. Мы должны были по приезде (пауза) из аэропорта позвонить им (друзьям семьи, приехавшим месяцем раньше). Позвонивши, должны были уточнить и приехать сюда (в Хайфу). Просто мы (пауза) иногда не мыслили, как мы будем порознь. У нас никого не было нигде. И когда мы стали упорно названивать из аэропорта, телефон не отвечал. Не отвечал и всё. Но это, в сущности, ни на что, по идее, повлиять не должно было бы. У нас э-э был их адрес. Мы могли назвать и ехать. Ну, вот, ну, впали в ступор. Но не смогли выйти из него. И позвонили своим знакомым – ленинградским, которые приехали за 18 дней до нас. Но нам казалось, 18 дней – это почти *ватики* (старожилы – иврит). Позвонили им и спросили: «Как вы думаете, что нам делать вот в такой ситуации?» И эти умники не нашли ничего лучшего, как сказать: «Ну, как что? Ну, приезжайте к нам». А они жили в Беер-Шеве – приехали тогда.

Интервьюер: Ну, они нормально. Они оказали вам гостеприимство.

Эмма: Они нормальные люди, но они могли сказать: «В чем вы сомневаетесь? У вас же адрес?» Ну, вот и всё. Мы назвали этот адрес и приехали. Они сами только что э-э там на чемоданах сидят. Ну, это было нелегко. И самое главное – э-э какие мы были, какие мы были м-м (пауза) растерянные. Мы не позвонили Инне с Сашей. Несколько дней мы не звонили. Нам было стыдно снять трубку и позвонить. О том, что можно купить *асимон* (жетон для телефона-автомата – иврит), нам в голову не приходило. Да мы, может быть, про-

сто и не знали, не помню сейчас. Мы им позвонили через неделю, когда мы уже переехали на свою квартиру. Ну, вот, был такой период тяжелый. Но всё потом утряслось. Потом (пауза) мы поняли, что всё к лучшему.

Анастасия Ф., 43, ИАФР 22055

Я совсем не хотела ехать в Израиль. И уж совсем трудно мне было решить, в каком из израильских городов мне поселиться. Исходя из чисто прагматических соображений, где легче найти работу, я подумывала об Иерусалиме, потому что это единственный город в Израиле, где, как я знала, есть славянский факультет, где можно читать лекции на русском языке, или, по крайней мере, по русской литературе. Все остальные израильские университеты для меня в тот период просто не существовали. Наступил момент, когда нужно было решить окончательно, куда же мы едем, потому что так сложилось, что и в Хайфе, и в Иерусалиме у нас были знакомые, которые могли нам снять квартиру. Родители мои хотели ехать в Хайфу, а я, как я уже сказала, – в Иерусалим. И в один и тот же день нам позвонили и знакомые из Иерусалима, и знакомые из Хайфы и сказали, что они нашли квартиру, которую можно снять и поэтому просили, чтобы мы дали окончательный ответ, куда же мы едем. Жили мы с родителями отдельно, у меня была своя однокомнатная квартира, и мне позвонила мама и сказала: «Вот так и так. И Ая нашла квартиру, и Гриша нашел квартиру, – ответить нужно сейчас». В этот момент мне стало безумно страшно: я поняла, что я должна принять какое-то судьбоносное решение, которое принять я совершенно не в силах. И тогда я поступила, как я иногда поступала в подобных ситуациях, я решила попытаться снять с себя ответственность и переложить ее на случай. И я сказала маме: «Подожди, я брошу монетку – орел или решка». И я бросила монетку. Естественно, что орлом был Иерусалим, а Хайфа – решкой. Упала решка. И я подошла к трубке, трубка меня все это время ждала, и сказала: «Мама! Я считаю, что нужно ехать в Иерусалим, но упала решка, делать нечего, – мы едем в Хайфу». Приехали мы в Хайфу, в уже снятую квартиру, и

буквально через неделю я поехала искать работу. Куда я поехала? Конечно, в Иерусалим. Пошла в Еврейский университет, встретила там с людьми, поговорила, и мне четко и ясно объяснили, что никаких шансов на работу там нет. И я пошла, уже будучи в Иерусалиме, в Министерство Абсорбции, в отдел, занимающийся учеными-репатриантами, именно гуманитариями, и-и показала им свои документы, и они спросили меня: «А в Хайфе Вы обращались в университет?» Я говорю: «Нет. А какое ж это имеет отношение Хайфский университет к русской литературе?» «Ну, – говорят, – там есть кафедра литературы. Обратитесь, пожалуйста, к профессору В., но только не говорите, что мы Вам дали телефон». И дали мне номер телефона. Я вернулась в Хайфу и буквально в тот же день позвонила профессору В. и начала с ней говорить на иврите, потом перешла на английский... И она не хотела меня слушать. Сказала, что мест нет и не будет. Но я продолжала говорить – мне важно было, чтобы она не бросила трубку. Когда я почувствовала, что вот-вот она сейчас бросит трубку, я бросила козырную карту и сказала, что я – ученица Л. (а меня предупреждали, что как бы нехорошо козырять Л-ом с самого начала, но выхода у меня уже больше не было), что я ученица Л., и что у меня есть его письменная рекомендация. На том конце провода была пауза довольно длинная, после чего она сказала: «Пришлите документы по почте». Я говорю: «А, может быть, я принесу их сама?» «НЕТ! Только по почте». А меня уже успели предупредить, предупредить за ту неделю, которую я была в Израиле, что, если отправляешь по почте, – шансов почти никаких. Делать было нечего. Я записала адрес, как потом выяснилось, с ошибкой написала, вложила документы в конверт и хотела отправить... я хотела все-таки найти, где ее дом находится или что-то. Вышла на улицу, стала спрашивать у какой-то женщины. Она мне говорит: «Нет. Что-то Вы ошиблись с адресом. Зайдите к нам в дом». Мы зашли в дом, это было на улице Пински, в соседнем доме. Она открыла телефонную книгу, нашла фамилию В. и выяснила точно ее адрес. И мы уже не на деревню дедушке отправили это письмо, а на ее домашний адрес. Через пять

дней, когда нас не было дома, прозвенел звонок, дома была одна бабушка, которая на иврите не понимала ни слова. Ну, как-то на идише, у бабушки идиш очень плохой, как-то на идише они все-таки объяснились. Бабушка уловила, что звонила профессор В. и что нужно, чтобы я ей перезвонила. Меня пригласили на интервью. (...) Собственно говоря, через полчаса (временная оговорка, полгода. – М.Е. и Л.Ф.) я начала работать в Хайфском университете. Через полгода, с первого октября 91-го года. История получилась такая странная, как будто это предначертание, но, в общем, я всегда к этой истории отношусь весьма иронически, но не забываю о ней.

Заметим, что в двух из трех приведенных выше примеров первоначально речь шла об Иерусалиме, что, конечно, закономерно, Иерусалим был для многих единственным городом в Terra Incognita (см. главу 4), городом, с которым связывались культурные ассоциации, личные надежды и ожидания. Именно Иерусалим снился Тамаре З. перед эмиграцией, в Иерусалим через неделю после прибытия поехала Анастасия Ф. в поисках работы, но обе считают везением Хайфу. Для Анастасии, как и для Эммы, удача определялась работой, которую им удалось найти, соответственно, в Хайфе и Беер-Шеве. Тамара лишь констатирует факт, полагаясь на фоновые знания интервьюера. И объяснение здесь может быть лишь предположительным. По-видимому, речь идет о большей вероятности терактов и о дороговизне, совокупно снижающих привлекательность Иерусалима. Во всех трех рассказах выбор города определяется случаем, но в одном из них, в рассказе Анастасии Ф., право выбора случаю предоставлено изначально. Страшась принять решение, Анастасия доверяется жребию и, вытянув нежеланную решку-Хайфу, все-таки временно подчиняется ему, позднее безуспешно попытавшись «перехитрить судьбу». Отношение Анастасии к этой истории двойственно. Решившись на жребий, она всецело положила на судьбу, что не мешает ей иронизировать над собственными суевериями. Мы согласны с мнением фолькло-

ристки Жанны Корминой о том, что ироничность в описании чуда, равно как и его нетипичность в рассказе информанта-скептика, не отменяет релевантную для данной культуры систему значений (Кормина 2001: 123). Аналогичным образом обстоит дело и в отношении рассказов о судьбе, каковым объективно является рассказ Анастасии. Как и во многих других историях, темы в нем переплетены, а случай в определении места жительства обернулся удачей при поиске работы.

Случай в поиске работы

Рассказы о поисках работы, публикуемые в данном разделе, во многом перекликаются между собой и с рассказом Анастасии Ф., анализ которого мы продолжим здесь. Все рассказчицы прибыли в Израиль в начале 90-х годов с «большой волной» эмиграции из бывшего СССР. Все они – жительницы крупных городов, имеют высшее образование, а три из четырех (Анастасия Ф., София Е. и Исанна Л.) – кандидаты наук. Все описываемые эпизоды произошли в первые дни, недели или месяцы после прибытия в Израиль, когда безработица в стране была на подъеме, а ни одна из информанток не владела ивритом в надлежащей мере. Повсеместно циркулировали слухи о невозможности трудоустройства без протекции, что с первых же дней оказывало на людей тяжелое психологическое давление. Все не мыслили будущего без работы по специальности и все сознавали собственные недостатки, служащие препятствием для успеха на израильском рынке труда. Для Анастасии Ф. таковым оказывалась профессия, поскольку русская литература не относится к числу наиболее востребованных предметов в израильской системе образования, для биохимиков Исанны Л. и Анастасии Н. – предпенсионный возраст, а для преподавателя английского Софии Е. – жесткая конкуренция с коллегами из англоязычных стран. Добавим, что Анастасия Ф. и София Е. могли рассчитывать только на себя, поскольку первая была разведенной с двухлетним ребенком (возможность жить на пособие матери-

одиночки ею не рассматривалась), а вторая в описываемый период вообще не имела семьи. В такой ситуации все информантки чувствовали крайнюю растерянность, воспринимали неудачу в поисках работы как весьма вероятную реальность, а успех как редкостную удачу.

София Е., 48, ИАФР 22131

Дело было в первый месяц жизни в Израиле. Настроение было, прямо скажем... Все вокруг говорили, что работу найти очень трудно, а уж тем более с таким количеством американцев вокруг, преподавать английский, – ну это просто даже несерьезно. И вот мы вместе с подругой искали отдел образования: надо было детей записать в школу. Долго мы крутились, никак не могли найти улицу. И не спроста: спросили дорогу, собрав все свои скудные знания иврита, и из объяснений уловили только «*рехов смола*» (улица налево – иврит). Спрашивали прохожих: где улица «смола»? Они с сочувствием смотрели на безумных русских и все время показывали налево. Вконец измучившись, спросили еще раз, но по-английски, – и тут же нашли. Естественно, к тому времени, как мы пришли, все сотрудники разошлись, мы долго по-английски пытали привратника, который никак не мог понять, чего ж мы от него хотим... И вдруг ко мне подошел человек, который, оказывается, все это время стоял в тени в коридоре, и сказал по-английски: «Простите, пожалуйста, Вы из Ленинграда?». Я сказала: «Да». «Вы ищете работу?». Конечно, я в тот момент работу не искала, но незамедлительно сказала: «Да, конечно!». «Подождите меня, пожалуйста». И стал... через некоторое время он вернулся, стал меня расспрашивать о том, где я работала, есть ли у меня опыт работы с детьми, и сказал, что хочет предложить мне работу в своем клубе заниматься с детьми-иммигрантами, преподавать им английский, и это должны были быть занятия английским языком с помощью компьютера. И вот так, чисто случайно я нашла свою первую работу, более того, через некоторое время работала не только я, но и моя вот эта вот подруга, с которой мы вместе искали отдел народного образования. И когда мы уже ближе познакомились с

этим человеком, который был директором клуба, где проходили занятия, то я его спросила: «Но как же это получилось, что вот Вы узнали, во-первых, что я – из Ленинграда, а во-вторых, что я – преподаватель английского?» Оказалось, что за несколько дней до этого он обратил внимание на то, что я стояла на улице, разговаривала со своим приятелем по-русски, по-видимому, мы упоминали что-то связанное с Ленинградом, а после этого я подошла и в киоске разговаривала по-английски. Я очень любила эту свою первую работу и до сих пор вспоминаю клуб с нежностью, как первый знак удачи.

Исанна Л., 65, ИАФР 22132

В один из августовских дней 1991 года, через четыре месяца после приезда в Израиль, я без, мягко говоря, особой надежды пошла на очередное интервью. Интервью было в больнице, которая называется *бейт-холим Р.* (больница – иврит) к руководителю лаборатории химии профессору Л. Я вошла после долгих блужданий, подъемов и спусков по лестнице, в какое-то помещение, больше напоминавшее барак, чем (*пауза*) медицинскую лабораторию. Была масса раскрытых дверей, лифт, слева выдавали халаты. У лифта стоял стул, едва державшийся на своих (*пауза*) подбитых ногах, на который я уселась и ожидала, пока окончится конференция. Затем появился профессор Л., одетый так довольно демократически, мягко говоря, и пригласил меня войти. Я вошла в комнату без окна. Слева, у стены, висела доска, на которой можно было давать объяснения, писать формулы. В продолжении – большой книжный шкаф с обилием книг. Справа – полки, на которых лежали какие-то папки с бумагами. Я даже не очень волновалась, не надеясь на успех, и вдруг, не успела я еще раскрыть рот буквально, как профессора вызвали к телефону в соседнюю комнату. Пока он отсутствовал, я, от нечего делать, смотрела по сторонам, и вдруг мое внимание привлекли несколько репродукций, на одной из которых я предположила, мне так показалось, я, в общем, знала эту работу, что это работа Кандинского. Когда Л. вернулся, первое, что я ему сказала: «Это у Вас Кандин-

ский?» На что он мне ответил: «А Вы знаете, кто такой Кандинский?». Ну, затем уже состоялся чисто профессиональный разговор на сбивчивом иврите с помощью английского, и он велел мне позвонить (*пауза*) через пару недель. Когда я через пару недель позвонила, он забыл, о ком и о чем идет речь, и я, опять-таки непонятно почему, сказала: «А помните, мы с Вами говорили о Кандинском?». И, сверх ожиданий, он назвал мою фамилию и сказал: «Да, конечно, помню! Кроме Вас никто со мной о Кандинском не говорил». Ну, затем прошло еще какое-то время, и я начала работать. Уже начав работать, я узнала, что профессор Л. – очень глубокий человек, интересуется искусством, читает лекции в музее истории Израиля, интересуется именно искусством модерна, и русского модерна, в частности. Ну, кроме того, он интересуется музыкой, но суть не в этом. Итак, я, не зная о его пристрастиях и интересах, попала, можно сказать, в точку. В моем сознании, поскольку мне уже было 56 (*пауза*), почти 57 лет к тому времени, я, в общем, не представляла, очевидно, большой удачи для человека, который брал меня на работу. И, тем не менее, вскоре на работу он меня взял, приносил билеты на концерты. И, в общем, установились, может быть, в какой-то мере неформальные отношения, рабочие, естественно, отношения, но об искусстве, о всяких выставках мы продолжаем разговаривать и сейчас уже, проработав там уже восемь лет. Он продолжает меня держать, несмотря на мой к этому времени уже весьма почтенный возраст. На эту тему, в тот же период, когда все это произошло, наш родственник к очередной встрече или к моему дню рождения написал стихи, где есть такая строфа:

В семье давно легенда бродит,
Как в неизведанной стране,
Исаннин первый шаг к работе
Был от картины на стене.
И эта самая легенда
Показывает нам вполне,
То, что багаж интеллигента

Не в багаже, а в голове.

Анастасия Н., 61, ИАФР 22140

Анастасия: Как говорится, могу рассказать все, что Вы пожелаете услышать. Вот так да прямо мне говорить? Да? Значит, если речь пойдет о том, что с нами... кто нам помог и о том счастливом случае, который тут называется, кажется, *хиздамнут* (счастливый случай – иврит), да? Так дело обстояло так. Денег у нас, естественно, не было, потому что получали мы тогда минимальное количество, триста тридцать, кажется, да?... шекелей на душу населения, а населения у нас было трое, трое человек: один пенсионного и два предпенсионного возраста. Вот. И случай, который произошел с нами, вселил в нас ужас. Потому что муж мой ухитрился вылезти посмотреть, что делается вокруг, в окно, которое было закрыто (*смех*). Тут рамы такие, очень интересные: без переплета. Мы к этому не привыкли. Ну, большое окно, ну, совершенно без рам. Ну и чисто вымыто. Естественно, он хотел посмотреть на склон горы... естественно, он хотел посмотреть на склон горы, а что там есть, и посмотрел. И при этом лысиной пробил стекло. Стекло было такое толстое довольно. Оно не столько совсем пробилось, сколько оно треснуло так, как когда в машину попадает камень... такими пошло. Но, тем не менее, мы побежали узнавать, кто же, что же нам это будет стоить. Нам сказали, что это будет стоить шекелей пятьдесят. Если учесть, что у нас на еду и на все прочее, и на поездки и на все про все было триста тридцать шекелей в месяц, то это было меньше, чем хотелось бы (*смех*). Вот.

Интервьюер: Больше, чем хотелось бы?

Анастасия: Нет, меньше, чем хотелось бы денег. Это так сказать, оставалось бы нам на все остальное. Ха-а. И мы решили, что мы сделаем это сами. Пошли искать на... ну, на помойки тут всегда выносят двери, окна и всякое такое. Мы нашли большое окно, два метра на примерно (*смех*) на полтора. Значит, мы стали перед ним и думаем: «Как мы его извлечем?». Ну, там эти полтора-два метра они из двух состоят как бы ... И там прогуливались местные, бывшие, там

семьдесят... семьдесят второго года *алия*. Они вели себя так по отношению к нам, так сказать, как патроны. Давали советы, как это принято в Союзе и как это принято вообще у евреев, советы. И вот, один говорит другому таким начальническим голосом: «Послушай, Мирон, ну помоги людям вырезать!». А там нужно было отодрать все вокруг и вырезать, сначала вынуть, а потом уже вырезать. И этот Мирон, такой очень симпатичный и чем-то отдаленно напоминающий по фигуре и по внешности, по внешнему виду моего отца. Вот, у меня отец был такого роста примерно. Говорит: «*беседер* (хорошо – иврит). Что Вам нужно?» Мы, значит, говорим, что вот такое у нас случилось. «*Беседер*. Не волнуйтесь, не расстраивайтесь». Мы еще говорим, что «вот, нам сказали, что это пятьдесят шекелей будет стоить». Он говорит: «Вам это ничего не будет стоить». Ничего, мы ж не знаем, кто он, что он. Ничего-не ничего, но может быть, хоть не пятьдесят, я знаю, хоть двадцать пять. Вот. И короче, он нам вырезал это стекло. Причем, первое он резал... Это надо было, конечно, иметь нашу наглость и отчаяние, с одной стороны наглость, а с другой стороны, – отчаяние, чтоб думать, что мы это сами вырежем. Потому что он – человек, который, в общем, знал, что это такое, и при этом, и при этом он два стекла запарол, потому что такое толстое стекло, что вырезать было, ну, очень тяжело. У нас же вообще ничего не было. Вот. Тем не менее, он нам вырезал, вставил, ну (*пауза*), естественно мы его оставили пить чай (*пауза*) беседовать. Потом оказалось, что кто-то из его родственников то ли приезжает, то ли уезжает ... в гостях у него и уезжает... И муж мой сказал, что он хочет, мы хотим передать письма. Дело в том, что тогда вообще было неизвестно, что это, как это доходят письма. И мы передавали с оказией. Ну, вот это оказия. Он пошел. Муж – человек общительный, он там разговорился, познакомился с его женой. Ну, тогда им было, значит шестьдесят пять, шестьдесят восемь лет, шестьдесят четыре. Так. Жена чуть моложе, он чуть старше, на пару лет. Вот. И так мы познакомились. Они нас пригласили... это было как раз перед *Рош-ха-Шана*, где-то в августе, я не помню точно. Они нас пригласили на *Суккот* или на что-

то... я уже даже и не помню на какое, на что именно. И мы были у них, потом мы их пригласили. И так вот мы познакомились. Ну, естественно, какие разговоры? У нас соответственные разговоры. Вот так. Как мы будем? На что надеяться? (смех). На что жить и вообще. Ну а они там, особенно Регина. Она такая уютная, очень теплая женщина. Вот есть такой тип, который внешне хочется обнять (смех). Такая вот, симпатичная. Она говорила: «Тасенька, не бойтесь, – *ихие бэседер* (все будет в порядке – иврит). И вот хотелось им, особенно хотелось верить. Ну, они рассказывали, как им было, ну... Ну, естественно, им было иначе, они были моложе, когда приехали. Вот. Ну, в общем, так мы как-то познакомились и стали иногда, они жили на этой же улице, стали иногда ну встречаться-не встречаться. Ну, как-то просто на улице иногда встречались, разговаривали. Ну и Регина сразу сказала: «Вот Вам нужно... Вы хотите, если в больницу, то у моей дочки есть знакомая. Она работает в больнице». И я ее попросила, говорю: «Может быть, можно пойти посмотреть? Я как-то даже не представляю, что тут делают и как тут делают». Ну, я как-то себе представляла, что, в общем, все, как говорится, другое, но... (пауза) хотела посмотреть. Ну, действительно, через какое-то время она сказала, что есть, действительно, вот эта знакомая, она тут живет тоже на этой улице или там чуть ниже, и она согласна меня взять. Она поговорила уже с заведующим, и он согласен дать мне возможность походить посмотреть. Ни о чем речи, естественно, не было. С моим ивритом... как мы вообще вышли из нашего *ульпана*, кроме песенки «*ба-кова шели еш шалош пинот, шалош пинот еш ба-кова шели*» (у моей шапки есть три угла, три угла у моей шапки – иврит) (смех) по-моему, никто ничего не знал. Ну, такая нам попалась очень милая, но очень такая-никакая учительница. Вот. Ну, пришла, пришли мы сюда с ней, она меня представила и ушла. И так я стала ходить. Ходила-ходила и, в конце концов, он решил меня взять. В сущности, я была первой, если не считать женщины русской, которая работала здесь до меня уже (пауза), я знаю, лет двенадцать, к моменту моего приезда или больше. Вот такой вот у нас был случай.

Все три рассказа новеллистичны, но два из них содержат вставные тексты, имеющие иные жанровые признаки. В рассказе Софии Е. таковым является эпизод с поиском улицы, чрезвычайно похожий на анекдот о недоразумении, вызванном незнанием иностранного языка (АТ 1699), а в рассказе Исанны – юмористическое поздравительное стихотворение. Все рассказчицы подчеркивают собственный пессимизм и глубокую растерянность. Исанна Л. потерпела ряд неудач при собеседовании, София Е. и Анастасия Н. открыто говорят об ужасном настроении, не покидавшем их в начале эмигрантского пути. Напомним, что и Анастасии Ф. однозначно дали понять всю тщетность усилий. Даже по прошествии десяти лет все детали тех дней воссозданы чрезвычайно подробно, а сами рассказы четко структурированы, лишены незаконченных фраз, самокоррекции и ложных стартов, что свидетельствует об их значимости в жизни рассказчиц и о включенности в постоянный репертуар информанток. Все женщины акцентируют трудности, которые пришлось преодолеть. И главной оказывается слабый иврит, приводящий к путанице и недоразумениям. Даже пространство кажется враждебным: больничный коридор представляется Исанне лабиринтом, а София без конца кружит по улицам, словно внутри заколдованного круга. Даже стекло не похоже на стекло, если муж Анастасии Н., отнюдь не страдающий ни слепотой, ни расстройством психики, мог, не увидев преграды, «открыть его головой». И словно в противовес фоновым пораженческим настроениям неожиданно вмешивается удача, о которой сигнализируют слова: «вдруг», «счастливый случай», «странная история» и т.д.

Стихотворение, процитированное Исанной Л., по сути дела, представляет собой самостоятельную версию происшедшего. Заметим, что его автор (Юрий Тульчинский), тоже эмигрант 1990-х, называет Исанин рассказ легендой. Разумеется, слово это применено не в терминологическом смысле. Речь идет о значимости события и популярности рассказа о нем среди друзей и знакомых. Стихотворение подчеркнуто дидактично, постулируя ключевую

роль образованности для успешной интеграции в новой стране. В рассказе Исанны, между тем, дидактики нет и в помине. Она была искренне удивлена тем, что так вовремя вспомнила Кандинского. По справедливому замечанию Николайсена, замаскированные моральные побуждения и запреты выражаются в легенде в столь увлекательной форме, что игнорировать их невозможно (Николайсен 1987: 174). И именно так восприняли Исаннину историю слушатели. В заключительных строчках стихотворения материальный багаж противопоставляется багажу интеллектуальному. И это не случайно. Многие информанты, а также наши друзья и знакомые, поделились с нами смешными и грустными рассказами о том, что привезли они с собой с континента на континент в начале 90-х годов, когда вывоз денег был невозможен. Хорошо помня о дефиците и боясь постэмиграционного безденежья, люди везли фантастические количества мыла, зубной пасты, ручек, карандашей и даже туалетной бумаги. Не веря в возможность трудоустройства, они оставляли специальную литературу, а иногда и собственные научные публикации. Абсурдность подобного выбора стала очевидной довольно быстро, породив причитания и юмористические рассказы.

Два года спустя после интервью с Исанной мы узнали о том, что друг семьи опубликовал ее историю в своих мемуарах, вышедших в Киеве, родном для них обоих городе. Приведем для сравнения соответствующий фрагмент:

«Исанна Лихтенштейн - опытный биохимик с кандидатской степенью и немалым стажем: проработала много лет в Институте кардиологии им. Стражеско... И начались в Хайфе бесконечные хождения в поисках работы по медицинским и другим учреждениям. Но с каждым днем надежда угасала. И вот, получив то ли 37-й, то ли 49-й отказ, Исанна, уходя, обернулась, чтобы попрощаться, и вдруг сказала: - Какой у вас интересный Кандинский! После паузы прозвучал рык хозяина кабинета: — Вер-р-нитесь! Садитесь! Среди моих сотрудников (да, вы уже — моя!) никто, кроме вас и ме-

ня, не подозревает, что на этой стене висит картина Кандинского! Вот уже более десяти лет Исанна благополучно работает в этом научно-исследовательском институте. Такова сила искусства. И столь великолепна роль Его Величества Случая. А еще, между прочим, хорошо, если тебе посчастливилось родиться и вырасти в интеллигентной семье» (Шанин 2002: CLIV-CLV).

Новая версия существенно отличается от оригинальной. Автор публикации отнюдь не стремится замаскировать свою героиню. Напротив, он собирает детали, делающие ее легко узнаваемой: указаны имя, фамилия и место работы, хорошо знакомое киевлянам. Узнав о публикации мемуаров, мы спросили Исанну, как нам поступить: скрыть ее имя в цитируемом отрывке или нарушить анонимность. Исанна предпочла последнее. Не будучи знаком с израильскими реалиями, Шанин опустил фамилию ее нового начальника, равно как и название хайфской больницы, ошибочно названной научно-исследовательским институтом. Неоднократно слушая Исаннин рассказ, составляющий часть ее постоянного репертуара, мы знаем, что эти детали ею забыты быть не могли. Были они упомянуты и в версии, записанной нами, но опущены по просьбе информантки. Кроме того, желая усилить драматический эффект, Шанин прибег к гиперболизации, увеличив количество неудачных интервью (37 или 49), в реальности не превысившее пятнадцати. Изменен и порядок событий. В рассказе Исанны короткий диалог о Кандинском не привел к немедленному результату и был лишь прелюдией к профессиональному собеседованию. Роль его состояла не в подмене экзамена, а в том, что начальник впервые посмотрел на нее как на личность, выделив тем самым из длинной череды безликих и поневоле косноязычных соискателей заветного рабочего места. Но и автор мемуаров, и автор стихотворения считают диалог о Кандинском единственным залогом успеха. Оставляя профессионализм в стороне, они подчеркивают спасительную роль «волшебной силы искусства» и «Его Величества Случая».

Случай в обретении друзей и родственников

Мы уже отмечали условность деления рассказов на подгруппы. История Анастасии Ф. касается одновременно места жительства и работы, а опубликованный выше рассказ Анастасии Н. об удаче с работой перекликается с историей Алины Р. о случайном обретении друзей.

Алина Р., 49³

Алина: История нашей *алии* совершенно необычна, то есть не просто необычна... Я сейчас расскажу, о том, что произошло с нашей семьей. Я думаю, что история эта будет передаваться из поколения в поколение. Мы первыми репатриировались в страну, т.е. по сути дела у нас не было ни семьи, ни кого-либо, на кого я бы могла положиться, только школьная подруга, которая репатриировалась в семидесятые годы. Но с ней, по сути, не было никакой связи. Был у меня только ее номер телефона. Я позвонила из аэропорта и выяснила, что она в больнице. У нее родился сын, и она ничем не может нам помочь. Короче говоря, мы остались совершенно одни. Мы решили поехать в округу Хайфы, поскольку название города было нам знакомо, и мы слышали, что там можно найти работу, да и климат подходит больше, чем прибрежный. У старшего сына бывали астматические приступы, так что мы боялись... Мы еще в России подумывали о городе развития Кармиэле, слышали о нем еще по радио. И мы решили на время учебы поехать в Хайфу, а затем решить, где поселиться. Мы прибыли в Хайфу ночью. Нас привезли на такси и спросили, есть ли у нас знакомые. Мы были из первых по так называемой прямой абсорбции, когда можно устраиваться, где тебе будет угодно. Нам дали название гостиницы в Хайфе, поскольку мы ничего абсолютно не знали. Искали мы ее ночью и нашли прямо над рынком «Тальпиот» на Адаре, гостиница называется «Тальпиот». Я думаю, что люди, которых мы там встретили, снимают там комнату на час или на два. Может быть, они совсем бездомные, очень бедные люди. Комната – ничего подобного я в своей жизни не видела. Кровать занимала всю

комнату в ширину. Душ находился прямо в комнате, а вода из душа лилась под кровать. Окна наглухо закрыты, а, если отодвинуть штору, то увидишь мусорные баки рынка «Тальпиот». И это все. Мы прибыли ночью. Проснулись в пять–шесть утра. Единственное место, где нам могут помочь, – это Сохнут. Это мы знали. Мы репатриировались шестого апреля, а восьмого начинается праздник Песах. Утром мы пошли в Сохнут, а они нам и говорят: «Это первичная абсорбция, вы к нам не относитесь. Если за ближайшие полдня вы не снимете квартиру, то мы не успеем оформить все необходимые бумаги, и вам придется ждать десять дней. Десять дней! Тысячу шекелей мы получили в аэропорту, а с собой привезли четыреста пятьдесят долларов, которые разрешалось вывозить из России. Да четыре чемодана с надувными матрасами на тот случай, если будет негде жить, так чтоб хоть спать на матрасах, подушки, постельное белье, пластмассовые тарелки. И один чемодан с одеждой на первые дни, потому что вес был ограничен, а вывезти разрешалось только четыреста пятьдесят долларов.

Интервьюер: Четыреста пятьдесят долларов на человека?

Алина: Нет, на семью, по девяносто долларов на человека. И еще в аэропорту (в России – *М.Е.* и *Л.Ф.*) спросили, есть ли у нас предметы из золота и серебра. И у меня забрали ложечку, которую я получила по наследству от бабушки. Передавали эту ложечку, когда в семье рождалась первая дочка или появлялся первый внук. И у меня ее отобрали, потому что она оказалась серебряной. Таким образом, нет у нас вещей, которые можно было бы продать, и нет денег, на которые можно прожить. Только полученные тысяча шекелей, а тут в Сохнуте говорят, что за полдня нужно снять квартиру. «Идите к маклеру». Кто такой маклер, как с ним иметь дело, и где его найти? Об этом не было у нас ни малейшего представления. И мы спрашиваем: «Где? Помогите! Вы единственный известный нам адрес!» Мы пошли в Сохнут, а они говорят: «Идите, есть много маклерских контор на улицах. Ищите себе квартиру. И есть у вас в запасе всего три часа. Если успеете, если успеете...». Муж... Они

дали нам адрес одного маклера. Муж пошел на Адар, а я с детьми осталась возле Сохнута. А куда мне деться со всем? Через два часа вернулся муж и сказал, что снял квартиру. За те деньги, которые были в нашем распоряжении, он мог снять только неподходящую квартиру в неподходящем месте. И он сказал, что у нас просто нет выбора. Квартира была в Кирьят-Ата (город-спутник Хайфы). Мы успели оформить

бумаги и должны были переехать на следующий день. Это был уже канун Песаха. Мы вернулись в гостиницу. Я увидела людей, лежащих прямо на полу, и спросила у мужа: «Что это? Им, наверное, плохо». Он подошел к ним поближе и сказал мне, что это наркоманы. Я никогда в жизни не видела наркоманов, а тут они лежат у самой гостиницы, а рядом валяются шприцы. Мы забрали детей, а сами думали только о том, как дожидаться до завтра. До завтра решили никуда не выходить, поскольку место не подходило для прогулок. Решили, будь, что будет. Но я сказала мужу одно: «Если рядом с квартирой будут люди того же типа, что мы видим тут (а других мы пока не видели), и, если квартира похожа на наше нынешнее жилье, а никакого другого Израиля мы не знаем, я попрошу маму сделать все возможное и выслать мне деньги, чтобы я могла вернуться домой. Я ни за что здесь не останусь. Я привезла детей не для того, чтобы жить в таком месте

и в таком положении. Мы сидели в своей комнате, как вдруг услышали стук в дверь. Пришел какой-то мужчина с девочкой. И на ломаном русском, которым явно не пользовался лет двадцать, пригласил нас к себе на Песах.

Интервьюер: Вы знали этих людей?

Алина: Нет, это просто чужие люди. По радио объявили, что прибыла большая волна репатриантов, многие из которых все еще живут в гостиницах. Хайфский муниципалитет просто обратился с просьбой к тем, у кого есть такая возможность, пригласить людей к себе домой на пасхальный вечер. Из сказанного им мы и половины не поняли. Говорили немного по-английски и немного на идише. Он сказал, что хотел бы пригласить нас. Для большей надежности он обратился к ответственному по гостинице, а тот позвал студента Техниона, дежурившего там, который и уточнил, что за нами приедут к определенному месту в шесть часов вечера.

Интервьюер: Что вы почувствовали?

Алина: В тот момент, когда он пригласил нас, я, честно говоря, ничего не почувствовала, потому что была в шоке от окружающей обстановки. Ночь в гостинице стоила триста шекелей, а значит, у нас осталось на шестьсот шекелей

меньше. Получим ли мы еще деньги? Велика ли эта сумма? Мы взяли такси и уплатили десять шекелей, поэтому я почувствовала, что триста шекелей, – это гроши, а значит, через несколько дней я не смогу накормить детей. Это было единственное, что я ощущала, а все остальное не имело значения. Муж почувствовал, что он привез сюда свою семью и бросил ее в нищету. Забрал из надежного места и привез сюда, где через несколько дней он не сможет накормить детей. Он был совершенно сломлен. Я не могу произнести это слово. Мой муж – человек очень сильный, с жестким характером, не склонный к разговорам. В ту секунду, когда пригласивший нас человек вышел из комнаты, муж попросил меня взять детей и спуститься вниз, оставив его на несколько минут одного. И, едва закрыв за нами дверь, я услышала, что он плачет. Никогда раньше я не слышала, чтобы муж плакал. Это было в первый и, думаю, надеюсь, что в последний раз. Наступил вечер, мы вышли на улицу, и этот человек забрал нас. Он привез своего отца, который приехал в 1956 году из Польши, чтобы нам было с кем говорить. Он привез своих родителей. И когда мы пришли к ним в квартиру, мы увидели, что Израиль, что Израиль совсем другой. (...) Я и в письме к маме написала, что, наверное, Нахума и Лею нам послал Бог. Это настоящее чудо, чудо.

Рассказы Анастасии Н. и Алины Р. близки даже в деталях. Обе женщины указывают, сколько денег было в их распоряжении, и описывают страх нищеты, преследующий эмигрантов в начале пути. Правда, Анастасия слегка иронична в своих воспоминаниях, а у Алины на иронию нет и намека. Когда шаг за шагом описывает она унижение и отчаяние первых дней, а затем благодарность к незнакомым людям, протянувшим им руку помощи, ее захлестывают эмоции. Как и у многих других, надежды Алины на помощь подруги не оправдались, заехать к ней было нельзя. Оставалась гостиница «Тальпиот», упомянутая Владимиром Я. в четвертой главе. Советская таможня сменилась израильской бюрократией, а намеренное издевательство ненамеренным безразличием. Прямая абсорбция грозила смять недавно благополучную семью. В

обоих рассказах помощь приходит от старожиллов, в той или иной степени говорящих по-русски и не понаслышке знакомых со сложностями эмигрантского пути. Поворотными пунктами в рассказах становятся еврейские праздники (Рош-ха-Шана или Суккот у Анастасии, Песах у Алины). Правда, Анастасия упоминает о празднике вскользь, не помня, о чем именно шла речь, но факт остается фактом: судьбоносное приглашение в гости произошло в праздничный день. Один из характерных сюжетов еврейского фольклора – чудесная помощь бедняку в предпраздничный день. Наши информантки, не знающие этих рассказов, фактически оказались их действующими лицами. Заметим, что семья Алины некоторое время жила в религиозном районе, а ее младший сын в ту пору носил кипу и соблюдал традиции, хотя вскоре вернулся к светскому образу жизни. В любом случае источником помощи оказывается именно Бог, а не хайфский муниципалитет, обратившийся к горожанам с призывом о помощи новоприбывшим. Впрочем, сотрудники муниципалитета, вне сомнения, знали о заповеди иудаизма не оставлять бедняка одного в праздничный день и апеллировали, таким образом, к широкому слою горожан как светских, так и религиозных.

Из трех записанных нами рассказов о родственниках и друзьях, потерянных давным-давно и случайно найденных в Израиле, сохранились лишь два – нас подвела техника. Альберт Р. иммигрировал в Израиль в 1991 г. и считает, что преуспел, сохранив профессию музыканта. Его приглашают играть на вечеринках и в домах престарелых, но, пожалуй, лучше всего Альберта знают как уличного музыканта. Его худощавая фигура с саксофоном в руках стала достопримечательностью города, в котором он поселился. Прохожие часто останавливаются, чтобы послушать его мелодии или поговорить с ним на иврите, на идише или на русском. Репертуар Альберта включает как еврейские народные песни, так и современные советские и западные мелодии.

Альберт Р., 72

Альберт: Был у меня там один (*пауза*) друг. Он вообще был инженер-строитель. Он любил музыку. Я его научил... он, кстати, здесь где-то (*пауза*) в Израиле, я его не могу тут найти. Он очень любил музыку. Я его научил на саксофоне играть. Он приехал сюда. Он где-то тоже мать (*пауза*) лет пятнадцать не видел, но он с ней что-то переписывался там, по секрету, не знаю, как. Он приехал сюда, зашел в ресторан «Бабушка». Ну, и там оркестр играет естественно. Он говорит: «Вот хорошо, что меня Альберт научил играть и научил слушать музыку!» И рядом брат сидел. «А какой Альберт? Как его фамилия?» Он говорит: «Р-д». «Так это ж мой брат!» Он там весь ресторан напоил – нашелся брат. Вот. Он (друг) прислал, дал его (брата) телефон. Я с ним по телефону связался. Приехал сначала в гости в восемьдесят девятом году.

Интервьюер: Это сколько лет вы не виделись?

Альберт: Сорок четыре года. У меня где-то есть э-э статья. Есть фотография встречи.

Интервьюер: Статья здесь напечатана была?

Альберт: Да, да, уже когда я приехал в гости с сыном младшим.

Обретение брата, потерянного почти полвека назад, стало поворотным пунктом не только для самого Альберта, но и для всех членов его семьи, спровоцировав решение об эмиграции. Тон рассказа спокоен, а концовка кажется идилличной. Братья встретились, и радость встречи с ними разделили читатели местной газеты. Но идиллии не получилось. Прибыв в Израиль, Альберт вместе с семьей заехал к брату, и через три дня тот выгнал их из дому. И сегодня, живя недалеко друг от друга, они разделены отчуждением, преодолеть которое труднее, чем тысячи километров пути.

История Софии Е. гораздо более благополучна.

София Е., 48

Поехала я в командировку в Москву на конференцию, и познакомилась там с одной женщиной, э, преподавательни-

цей одного из московских университетов, которая очень интересовалась жизнью в Израиле и застенчиво мне рассказала... Очень застенчивая и с замечательным именем: Наташа Ростова. И рассказала она мне, что училась она в школе с девочкой-еврейкой, в городе Риге и, когда они были подростками, семья ее подруги уехала в Израиль. Она очень переживала и хотела взять ее адрес. И подруга сказала: «Знаешь, я не дам тебе своего адреса, даже когда буду его знать, потому что я тебя люблю и не хочу, чтобы тебе было, чтобы у тебя были неприятности». И вот прошло 30 лет, почти 30 лет, и она мне сказала, что ужасно хотелось бы узнать, что с ней случилось. Я сказала. Что да, действительно, в Израиле есть службы, которые ищут растерявшихся э-э, людей и-и семьи, и родственников, и знакомых и что я постараюсь ей помочь. Мы стали с ней переписываться по электронной почте, и она прислала мне э-э, несколько, она рассказала мне об этой подруге, о ее семье, дала какие-то имена и даты, и у меня все как-то не было времени отправить это объявление в газету. Я тянула и себя ругала, и двадцать раз переписывала с электронного этого своего счета все эти данные, и листочки терялись. Наконец, я собралась, спружинилась и отправила это объявление в газету. Несколько недель не смотрела. А потом схватилась, что надо же посмотреть, может быть, вышло объявление. И именно в тот день, когда я вспомнила, оно-таки действительно вышло. Что интересно, что именно в тот день в эту газету, которую я купила, вложили два приложения с этим текстом. Прошло два дня. Раздался звонок. Меня спросили, я ли Наташа Ростова. Я сказала, что нет, но, что давала объявление я. Оказалось, что это звонит женщина, которая предполагает, что она знает семью. Но она сказала, что не хотела бы тревожить людей до тех пор, пока она точно не будет знать, что это действительно тот человек, которого мы ищем. Я сказала: «Хорошо, я постараюсь узнать некоторые другие сведения». На следующий день снова раздался звонок. Меня опять спросили, говорю ли я по-русски и Наташа ли я Ростова. Я сказала, что нет, но что понимаю, о чем меня спрашивают. На сей раз, звонила сама подруга

Наташи. Она никак не могла поверить в то, что действительно ее ищут. Оказывается, она живет в Париже и приехала ровно на одну неделю, и ее подруга сказала: «Ты знаешь, такая женщина, с таким интересным именем ищет тебя». И вот так вот они ... нашли друг друга. И она все время повторяла: «Ну, это просто чудо, что именно эта газета вышла в ту самую неделю, когда я оказалась в Израиле!» Они обе страшно счастливы, и уже переписываются, и обе ужасно благодарят меня за то, что я помогла им встретиться.

Поиски родственников и друзей с помощью газеты в Израиле практикуются часто и вполне успешно. Это, скорее, норма, чем исключение. Необычность ситуации состоит лишь в том, что подруга Наташи Ростовской оказалась в Израиле именно в ту неделю, когда объявление появилось в печати. Но факт остается фактом: в семидесятые годы эмигранты расставались с остававшимися друзьями навечно, фактически умирали для них, существуя в недоступном ином мире. И обретение подруги, ушедшей в «навсегда» сравнимо с воскрешением из мертвых.

Случай в обретении супругов

Согласно представлениям разных народов, перемена места ведет к перемене судьбы (см. об этом мотиве в произведениях Хаима Бермана – Николайсен 2001). Многие информанты воспринимают эмиграцию как новый старт, который может вывести их из тупика, будь то нищета, семейные проблемы или одиночество. В первой главе мы отметили, что процент одиноких женщин (незамужних, разведенных и вдов) среди эмигрантов из бывшего СССР довольно высок. Многие семьи распадаются и вследствие эмиграционного стресса. И в газетах, и в устных рассказах часто возникает образ женщин, покинувших мужей в стране исхода и пустившихся в путь в одиночку или, чаще, вместе с детьми. Заметим, что ситуация эта чрезвычайно разнится от той, что сложилась в начале XX в., когда из Восточной Европы уезжали мужчины, оставив

жен и детей, что отразилось в еврейском и украинском фольклоре (Ротштейн 2000).

Неудивительно, что особой популярностью в общине, избивающей одинокими женщинами разных возрастов, пользуются рассказы о счастливом замужестве в новой стране, будь то официальный брак или совместная жизнь без заключения такового. Они внушают надежду, поддерживая мифологию удачи. Напомним, что связь любви и нового места характерна и для русского фольклора. Не случайно, девушки, ночующие вне дома, повторяют перед сном как заклинание: «На новом месте приснись жених невесте». Рассказ Светланы Т. очень длинен, поэтому мы опустим ряд деталей, не имеющих прямого отношения к развитию событий и, прежде всего, подробный рассказ о родственных и дружеских связях.

Светлана Т., 56

Светлана: Ну, во-первых, я считаю, что нет случайностей в жизни. Это мое глубокое убеждение. Есть закономерности. Но поскольку я верю в высшие силы, глубоко верю в то, что нами... существует... не религиозный путь, а путь просто веры, высшей силы. Я считаю, что все, нас ведут по жизни. И как Танька сказала, вот, которая в Ашдоде живет... Когда эта история с Сеней закрутилась, она мне говорила: «Света, – много раз говорила, – у каждого есть ангел-хранитель. Только надо услышать, как он там крыльями машет над тобой, услышать его голос. И ты должна сейчас решить для себя. И мне кажется, вот, что это как раз тот случай, тот случай». Ну, вот. А с Сеней так. Вот уже ретроспективно, когда мы беседовали, то выяснилось, что мы росли на, ну, в общем, на улице Перовской и на улице, за Казанским собором, Плеханова. Это буквально рядом. Мы ходили в соседние школы, мы гуляли по одним и тем же улицам. Все, вот, эти магазины нашего района, микрорайона, – это были наши общие магазины. То есть в одних и тех же покупали киосках газету, у одного и того же еврея, Сеня даже помнит, как его зовут. Я, конечно, уже не помню. И магазин «Пятерка», и магазин, там, на Плеханова, все эти ма-

газины. Потом оказалось, что у нас общие знакомые есть по школе.(...) Потом по институту есть общие знакомые. То есть мы все время, вот, где-то, и я уверена, что, вот, он часто ходил по Перовской, у него там знакомые были. И я уверена, что я его видела, наверняка я его видела. Понимаешь, что называется, я проходила мимо. Видела, но не обращала на него внимания. Так же точно, как он. А потом, значит, первый раз мы с ним увиделись, когда, когда он приехал в девяносто пятом году. Он приехал сюда просто в гости к сестре. Тогда он же не хотел ехать в Израиль категорически. (...) Значит, он приехал к ним в гости. А я, в кои-то веки приехала к Таньке (*пауза*), как бы случайно. Значит, я приехала к Таньке, это я к ней так редко, я же работала. В Ашдод я ехала с ночевкой – целое событие. (Рассказывает о том, что Семен с родственниками случайно заехал к Татьяне, где они и познакомились). В первый раз мы тогда увиделись с ним. Причем, он тогда, значит, произвел впечатление человека довольного. Значит, в отпуске, загоровший такой, хорошо выглядел. И главное для меня было самое, что он – ленинградец. Я в каждом ленинградце видела... Причем ленинградец, который, вот, возвращается. Эта тоска вечная по Ленинграду. Я вцепилась в него, конечно. Ну, там, стали все это... Причем ленинградец, который очень хорошо знает город. Он каждую улочку-переулочку, он все это рассказывает мне и все (*пауза*). Он мне очень понравился, но абсолютно, это было как бы никакого отношения ко мне. (...)

Сеня вернулся в Ленинград, но, по словам Татьяны, несколько раз спрашивал о Свете в письмах. Только через три года он перебрался в Израиль, где практически сразу похоронил обоих родителей. Света в этот период переживала кризис в отношениях с партнером, расставание с которым давалось ей нелегко. Два ленинградца встретились вновь в том же доме, где и познакомились.

И вот я его увидела второй раз. После той встречи прошло, там, сколько? Три года. И вот, значит, я увидела его. И ты знаешь, у меня просто сердце сжалось. Потому что тогда

я видела человека, который, действительно, знаешь, был вполне доволен жизнью там и все. А тут я увидела человека полностью потерянного (*пауза*), несчастного, который не знает, на каком свете находится, бледный, худой и э (*пауза*) озабоченный своим положением. Тем, что отец болен, и страна для него совершенно чужая. И вот, он заканчивает *ульпан*, и не знает, куда... То есть понимаешь, я сразу вспомнила себя, и такая жалость была – ужасная, жалость. (...)

Дальнейшие контакты происходили, преимущественно, по телефону, поскольку расстояние между городами, несущественное для СССР, в Израиле оказалось серьезной преградой. Как заметил один эмигрант: «Израиль – огромная страна, в которой расстояние измеряется не в километрах, а в шекелях». Дело, однако, было не только в дороговизне общественного транспорта, ощутимой для новоприбывших, но и в его отсутствии по субботам, единственном выходном дне, когда можно куда-либо поехать. Разумеется, светские израильтяне – владельцы машин – легко решают эту проблему, но ни Света, ни Сеня ее в тот период не имели. Отсутствие транспорта воспринимается многими эмигрантами как запрет на свободу передвижения, напрямую ограничивающий права человека.

Но и телефонных разговоров оказалось достаточно. И Света, и Сеня почувствовали внутреннюю близость. Как-то Света взяла на день отпуск за свой счет, и Сеня приехал.

И он приехал. Ну и когда он приехал, я, конечно, поняла, что (*пауза*) он влюблен в меня. И даже, я, понимаешь, я не знаю, насколько был влюблен, сколько он за соломинку, понимаешь. Вот он понял, что я человек, который заинтересован в его судьбе. (...)

И вновь телефонные звонки. Но один звонок оказался решающим:

И вдруг Сеня мне звонит и говорит, что именно в этот же день, именно в этот вечер он мне позвонил и сказал, что «мне предложили работу, ну, там, через Лилю там нашли, ну, какую-то простую работу тоже там, на складе что-то, ну, какую-то, что за нее можно ухватиться. И я должен сказать: да или нет. Света, – говорит, – ну, ты понимаешь, что, если я соглашусь на эту работу, то мы с тобой, там, не знаю, как мы сможем видаться. И я без тебя не могу. И вот, одно твоё слово, и я от всего отказываюсь». И, в общем, я так вот набрала воздуха, и, в общем, это был такой момент, а еще до этого Танька, по телефону мы говорили про этого ангела, и «вот, смотри, такой человек, Сеня». Я говорю: «Тут дело не в том, что он такой человек или сякой человек. Дело в том, что я вижу, что он пропадет просто. Я не знаю, какой он человек. Что я его видела? Два раза или три раза в жизни всего». (...) И я ему сказала, что «отказывайся и приезжай».

Света всегда окружена теми, кому нужна помощь и всегда готова помочь. Уйдя с работы по состоянию здоровья, она сразу включилась в деятельность общественных организаций, помогающих эмигрантам. Она помогает людям писать деловые письма, подсказывает, как бороться с бюрократией. В ситуации выбора между партнером-израильянином и Сеней, она старалась понять, кому из двоих без нее будет хуже. Выбирая Сеню, она выбирала крайне стеснительного, одинокого и неустроенного человека, казавшегося, не смотря на возраст, ребенком. Знакомиться предстояло уже в процессе совместной жизни.

У меня семьи не было, пока не встретила Сеню, потому что мою жизнь с Володей нельзя назвать. Это было кошмар и ужас. Двенадцать лет, это, я не знаю, как я там не сошла с ума. Там вообще-то ужас был. А вот в том понимании семья, вот какая, нормальная, обычная. То есть мы с ним начали быть вместе, вот у меня было такое чувство через некоторое время, что мы давно, всю жизнь вместе. (...) Так вот, я говорю, надо было все пережить, это все, и встретиться в Израиле (*пауза*). Чудеса. Да, это чудеса (*смеется*).

Образ ангела-хранителя, с которого Света начала свой рассказ, свидетельствует не о религиозности, а скорее об общечеловеческом признании существования некой силы, управляющей человеческой жизнью. Подобный подход – не редкость в бывшем СССР и, по замечанию социолога Рывкиной, не связан с определенной религией (Рывкина 1996: 59).

Важное место в рассказе Светланы занимает образ родного города, соединившего ее и Семена уже в Израиле. Заметим, что она, несмотря на переименование, как и многие другие информанты, по-прежнему называет его Ленинградом. Российскому читателю известно, что город этот имеет длинную историю в русском фольклоре и в художественной литературе, представляя то обреченным демоническим местом, то символом величия России и неподражаемым образцом архитектуры (Лотман 1992 б; Синдаловский 1999; Топоров 1984: 4–29). В рассказе Светланы город идеализирован. Вспоминая улицы, переулки и магазины, Светлана не устает удивляться тому, что, много лет живя рядом, они с Сеней встретились только в Израиле, куда приехали в разное время и в разные города.

В сборнике пословиц, собранных Владимиром Далем, отдельная глава посвящена связи между судьбой, терпением и надеждой (Даль 1957: 149–154). Одну из этих пословиц «Не узнаешь горя, не узнаешь и радости» Светлана перефразировала, косвенным образом признав, что счастье дается в награду за терпение.

Александра Л., 82, ИАФР 22133

Александра: Я верю в судьбу. Значит, это моя судьба такая.

Интервьюер: Да? А у Вас были какие-то эпизоды в жизни, когда Вы ощущали руку судьбы?

Александра: Ну вот, знакомство с мужем.

Интервьюер: Ну, это Вы в парке познакомились случайно или где?

Александра: Нет, нет.

Интервьюер: А где вы познакомились?

Александра: Одна женщина хотела посмеяться над моим курносым носом, над моей «красотой», моей «хорошей фигурой» и так далее. И дала ему мой телефон. Мы договорились по телефону встретиться на Нордау, там, возле фонтана. В десять часов. Он пошел ко мне в квартиру, туда, в подвал. И привел меня к себе домой. И не пускает. Я говорю: «Халат я должна взять. Помыться я должна». «Иди, мойся, одень мою пижаму». Я не вышла от него. Назавтра, в восемь часов утра, мы вдвоем пришли, спаковали там мои... И все.

Интервьюер: И сразу так?

Александра: Не сойти мне с этого места. И потом, через недели две-три мы пошли... На Елаге (русифицированное название улицы Елаг) был раньше раввинат, потом его перевели очень далеко, он не знал, где. Потом узнали. И мы с тех пор начали... Но оформление длилось два месяца. И поэтому мы четырнадцатого марта девяносто пятого года уже хупа⁴ была. А до хупы – миква⁵.

Интервьюер: Это Вы первый раз в жизни видели и микву, и хупу, и раввина?

Александра: А Вы знаете, что это такое?

Интервьюер: Да. *Миква* – это типа, это ритуальное купание.

Александра: Ритуальное купание.

Интервьюер: Знаю.

Александра: Меня вот так вот... (жест, как будто окунают).

Интервьюер: Знаю, знаю. Конечно, знаю.

Александра: Вот. «Мазаль» (счастье – иврит) там нам кричали. Мы купили небольшое угощение. И вот так вот.

(...)

о первом замужестве

Александра: В тридцать лет (вышла замуж первый раз). Меня никто не брал. Не брал, никому не нравилась.

Интервьюер: Ну, видите, а тут понравилась моментально. Нет, чтоб его найти на тридцать лет раньше!

Александра: Вы знаете, что: я верю в судьбу. Вот она. Вы спрашивали, вот она, эта судьба.

На первый взгляд, нет ничего странного в том, что добросердечная женщина познакомила двух одиноких стариков. Но для Александры – это знак предопределения, судьбы. Возраст, нищета, низкая самооценка и предшествующий печальный опыт практически не оставляли надежд на счастливое развитие отношений. Любовь и преданность мужа стали для рассказчицы полной неожиданностью. Ее поразило все: и его любовь с первого взгляда, и желание никогда не расставаться, и стремление надлежащим образом оформить супружеские отношения. Заметим, что она практически не вспоминает о первом муже, с которым прожила около сорока лет. Как и Светлана, она словно отбросила прошлое, начав жизнь с самого начала. Правда, счастье ее было недолгим: через год и четыре месяца муж умер от рака, оставив ее в одиночестве уже навсегда. В Израиле Александра прожила восемь лет, из которых лишь время короткого брака было счастливым и гармоничным. Через две недели после интервью она вернулась в Москву, считая это возвращением домой.

В указателе фольклорных сюжетов Аарне-Томпсона один из сюжетных типов определен как «Предназначенная жена» (АТ 930). В еврейском фольклоре его дополняют четыре экотипа (Шенхар 1987: 30–46). Однако, несмотря на отдельные совпадения, рассказы Светланы и Александры ни к одному из них не относятся. В то время как в традиционных новеллах речь идет о юной паре, преодолевающей трудности на пути к счастью, наши герои немолоды. Их проблемы неромантичны: бедность, старость, болезни. Необычность этих историй не в победе над внешним миром, а в знакомстве как таковом, вызывающем ощущение предопределенности.

Случай в обретении денег

Лаура М., 55 (ИАФР 22049)

Лаура: А потом случилась очень странная история. Если Вам это интересно. Ну, история совершенно уникальная. Я виню себя, что я еще не нашла этого человека. Значит, однажды, брат попросил меня отметить – надо было отмечаться на багаж. Ну, и я пошла стоять там в очереди. И услышала, один мужчина спрашивает другого что-то про *Сохнут*, что-то про синагогу, что-то у него спрашивает про отъезд. Тот ему все объясняет, рассказывает, и мне ужасно понравилось, что он все знает. А я за ним стояла в очереди. И я, вот, спрашиваю: «Вы так все знаете... Может быть, Вы мне подскажите. Вот, я хочу уехать, – хотя я еще не понимала, что я могу уехать, но вот, что я хочу, – я хочу уехать, но у меня нет денег. Кто-нибудь помогает? Есть какие-нибудь организации или синагога? Кто-нибудь помогает уехать?» А он говорит: «Насчет синагоги не знаю. А сколько Вам нужно?» (*усмехается*) Ну, я, естественно, не отвечаю на такой вопрос. Я даже не слышу его. Вот. А он говорит: «Ну, сколько Вам нужно?» Я говорю: «Ну как, сколько нужно, чтобы уехать? Вот, гражданство где-то стоит там семьсот рублей, это, в общем, где-то полторы тыщи надо, чтобы, вот, за все уплатить и уехать». Он говорит: «А я Вам дам». (*пауза*) Ну, естественно, я это вот так смотрю, вроде не должен он ко мне никак. Он моложе меня, лысенький такой, пухленький, невысокий, моложе гораздо и ну, – никак ни на что не похоже. И на шутку тоже. И вообще непонятно, на что это похоже. Я «хи-хи-хи, ха-ха-ха». Он говорит: «Запишите, запишите номер телефона». Ну, хорошо, я записываю его телефон. Да, а я там была с дочкой. Или была с дочкой, или пришла, рассказала ей, вот, не помню. Но факт тот, что его звали, значит, Давид. А-а у меня брат, Давид, старший мой брат – Давид. И моя дочка ужасно его любила. Она говорила, что она «женится только за Ленина или за дядю Даню. Больше ни за кого». Вот, это имя Давид ей врезалось. Да и все. Потом летом уехали. Мы были где-то на даче, набрали как никогда этих ягод. Мы натерли столько банок!

Интервьюер: На всю зиму!

Лаура: Никогда нам так не везло с грибами и ягодами (обе смеются). Вот. Вернулись мы, и что-то у нас были неприятности, вот с нашим папой, вот, какие-то события происходили. И вот что-то ребенок мне начал ныть: «Позвони этому Давиду». А я говорю: «Дочечка, ну, так не бывает, это шутка, это-это так не бывает. Вот человек пошутил». В общем, короче, пристаёт: «Позвони да позвони!» И в один прекрасный день я звоню этому Давиду. И начинаю напоминать ему, кто говорит. А он говорит: «А я помню. И я своих обещаний не забываю. И я готов Вам дать деньги. Скажите, куда поднести». Потрясающая история! А я работала э-э на станции юннатов. (...) Короче, я ему говорю, что я работаю там-то, на такой-то станции метро, пожалуйста, если хотите, вот. Думаю, станция метро, там много народу. Не убьет, не скушает, посмеяться можно будет. Я подхожу. Стоит человек. А мы разговаривали летом, в летней одежде. А это уже осень или зима. Но я его узнаю во всех этих одежках. Ээ я поднимаюсь по эскалатору, он стоит. И он меня тоже как-то как вычислил. Да. И я подхожу, и он засовывает вот руку. Ээ я и говорю: «Ну, давайте отойдем хотя бы». То есть это до меня еще не доходит, что это такое. Что это такое вообще. «Да, хорошо». Мы заходим там, в метро за угол, и он достает деньги. Пачку денег. Без конверта, без ничего. И дает мне эти деньги. И (пауза) э-э первый, вообще, порыв был у меня упасть на колени. Ну, конечно, я не упала на колени, но это было что-то вообще непонятное. И я не могу... из вида, потому что мне непонятно. Как это так? Да, ну ладно...

Интервьюер: Что дальше было? Он протягивает деньги...

Лаура: А, ну да. Он протягивает деньги, протягивает вее-ром эту, вот так вот (жест) пачку денег.

Интервьюер: А окружающие?

Лаура: Ну, как-то вроде там люди спуют, ну...

Интервьюер: Не привлекло это внимания?

Лаура: Это очень недолго... Это несколько секунд продолжалось. Для меня это было... В общем, я не могу опомниться. Он понимает мой вопрос и говорит: «Мне ничего не

нужно». Я даже, действительно, он не просил у меня телефон, он не спросил ни фамилии, ничего, т.е. ясно, что человек не собирается ни преследовать, ничего ни просить, ни требовать. Ну, вообще человеку ничего не нужно. И дальше он просто провожает меня до работы – все, не помню, до работы или к трамваю, допустим. Дальше... И говорит мне, что «э-э я же не всегда был м-м-м кооператор. Я, – говорит, – у меня, – говорит, – кооператив, дела идут хорошо, но я же не всегда был состоятельным. Наоборот, я жил с мамой, и мы были бедны. И я просто хочу. Я хочу (пауза) это сделать». Э-э, ну раз уж я вижу, что это, действительно, ничем не чревато, и действительно, деньги, и действительно, человек, и действительно, т.е....

Интервьюер: И делает от души...

Лаура: Ну, сказка, фантастика, но исключительно от души и очень трогательно. И я задаю ему какие-то вопросы, там нужно было...(...) Задаю ему какие-то вопросы, и он говорит: «Вы знаете, я работаю, а всем этим занимается у меня жена. Вот Вам телефон, вот спрашивайте ее. Так далее, потом нам нужен был (пауза) нужна была консультация юриста, и несколько раз я разговаривала с его женой. Вот и все. Вот такая история. Значит, это он дал, правда, не полторы тысячи, а тысячу, но чтобы Вам представить, что такое тысяча, значит...

Интервьюер: Это очень были большие деньги.

Лаура: Я получала... Самая большая моя зарплата была сто девяносто, причем я никогда не получала в руки сто девяносто. Был же аванс и (пауза) расплата (смеется). Так вот, значит, я не держала в руках таких денег, т.е. не только таких, половины, десятой части. Не держала. Ну, вот с этих денег все и закрутилось.

В отличие от всех предыдущих рассказов, эта история относится к предэмиграционному периоду, но напрямую связана с решением об отъезде. Без денег, полученных от незнакомца, Лаура уехать бы не смогла.

Деньги, полученные чудесным образом для выполнения религиозных предписаний, например, для покупки праздничной еды на Песах, Рош-ха-Шана или для субботней трапезы, равно как и на репатриацию в Израиль, – это характерный мотив еврейского фольклора. В классификации еврейских экотипов есть особый сюжетный тип – *776 «Божественные награды», состоящий из следующих компонентов:

1. Стремление выполнить заповедь, например, дать деньги бедным перед праздником, снабдить приданым невесту, по всем правилам встретить субботу и т.д. Разумеется, репатриация в Израиль тоже является заповедью.
2. Чудесный помощник, например, Илья Пророк, ангел, раввин и т.д.
3. Божественная награда проявляется в нахождении сокровища, излечении от болезней или в самой возможности выполнить заповедь, несмотря на трудности и преграды.

Лаурин рассказ включает в себя все структурные элементы данного экотипа и в соответствии с данной классификацией может быть формально описан формулой: *776 1G, II, III F5. Но структурное подобие не дополняется идейным соответствием. Лаура, как и остальные информанты, не рассматривала эмиграцию в Израиль как выполнение заповеди. В рассказе упоминается синагога, но исключительно в прагматическом плане, ассоциируясь с организацией, возможно, предоставляющей финансовую помощь. Лаура заинтригована необычным поступком незнакомца и, на мгновение, готова упасть к его ногам в духе христианского молитвенного поклонения. Пытаясь понять странное альтруистическое поведение незнакомца, она не связывает его с божественным вмешательством. Да и не похож советский кооператор на чудесного помощника из еврейского фольклора. Вместе с тем, мы не знаем, воспринимал ли он сам свой поступок как выполнение заповеди. Рассказ изобилует бытовыми деталями, нагнетающими напряжение и уве-

личивающими разрыв между ожиданиями Лауры и реальными событиями.

Сбывшиеся предсказания

Все три рассказа, опубликованные в данном разделе, объединены темой предвидения эмиграции в тот период, когда ни одна из рассказчиц о ней и не помышляла. Заметим, что рассказ Анастасии Ц. напрямую соотносится с христианской традицией, Нины К. – с иудейской, а рассказ Корины Ю. представляет собой эклектическое сочетание иудейских и христианских элементов с языческими славянскими и современными квазинаучными представлениями.

Анастасия Ц., 48 (ИАФР 22122)

Интервьюер: А каким ты вообще Израиль представляла, ну, умозрительно?

Анастасия: Никак, никак не представляла. Вообще никак. То есть я об этом даже не думала. Не потому что я гнала от себя эти мысли. Мысль была одна: уезжать или не уезжать? Но куда уезжать, такой мысли не было. Значит, Израиль, Израиль – это еврейское государство. Самое интересное, что, когда я ехала в Киеве, в Киеве там, в автобусе, и одна женщина мне сказала: «Вот, когда ты будешь в Иерусалиме, – я подумала, что она сумасшедшая, – так, – говорит, – поклонись Храму Господню и попроси благословения для Ольги и Марии». Я подумала, что эта женщина – сумасшедшая. Это было в те времена, когда я еще никуда не собиралась ехать. И всегда Иерусалим, это всегда был центром земли. Я не могу сказать, еврейского государства, потому что я этого не очень хорошо я это понимаю. А вот, что значит центр земли, центр всего мира, центр Вселенной, – это я хорошо понимаю.

Нина К., 60+

Нина: Вы знаете, я хочу рассказать, что со мной один раз возле синагоги произошел очень интересный случай, кото-

рый я часто вспоминаю. Значит, я (*пауза*) приехала сюда в девяносто первом году в июне, а это, наверное, был семьдесят девятый год. Тогда я еще не собиралась ехать. Работала – нет, это, наверное, даже, может быть, раньше было, а-а и-и работала я учителем м-м в английской спецшколе. Мы с приятельницей пошли на (*пауза*) этот праздник *Симхат Тора*. И вдруг э-э ну, как-то в толпе – все веселились, танцевали, беседовали – и вдруг ко мне подходит мужчина и начинает говорить со мной по-английски. Я не знаю, почему он понял, что я знаю английский, и-и он начал меня расспрашивать о том, как мы живем. Ну, э, что я сказала, сказала, что живем хорошо.

Интервьюер: Смеется.

Нина: Он говорит... Ну, я не могу сказать, что я жила плохо. Это было бы неправда, вот. Он начал меня спрашивать о том, что я знаю о еврействе, о том, о сем. Я говорю, что «нет, тут я не смогу проявить никакой эрудиции». Тогда он говорит: «А вот Вы знаете, я потратил свои двадцать тысяч долларов, чтобы создать здесь библиотеку, чтоб Вы больше знали о еврейской жизни». Он, значит, оказался, я не помню точно, из какого-то там американского общества. Но самое интересное было, что, когда мы с ним распрощались, он мне сказал: *“Next year in Jerusalem”* (в будущем году в Иерусалиме – перевод Нины). А я сразу же закричала: *“I am not going there, I am not going there!”* («я не поеду» – перевод Нины). Так что я тогда еще не могла предвидеть свою судьбу, что я окажусь здесь.

Рассказы Анастасии Ц. и Нины К. сюжетно очень близки: в обоих случаях эмиграцию предсказал посторонний человек, словно прочитав о ней на их лицах. В обоих рассказах упомянут Иерусалим, где должны, по словам незнакомцев, оказаться обе женщины, но в первом случае, речь идет об Иерусалиме христианском, а во втором – о еврейском. Размышления Анастасии о месте и роли Иерусалима во вселенной коренятся в русском и украинском фольклоре (Толстая 1999; Фиалкова 1999а), а Нина, судя по всему, о нем не задумывалась вообще. Подчеркивая метафизическую

сложность решения об эмиграции, Анастасия перефразировала гамлетовское «быть или не быть». В любом случае, вековечное стремление еврейской диаспоры встретиться «в будущем году в Иерусалиме» рассказчицами не разделялось, что отнюдь не случайно. Как показал литературовед Владимир Хазан, снижение, вплоть до исчезновения, роли Иерусалима в русской советской художественной литературе отражало общую потерю духовности и интереса к святыням. «Советское политическое и идеологическое табу на иерусалимский текст может быть понято как крайний пример универсальной секуляризации культуры в современный период» (Хазан 1999: 25). Заметим, что в представлении еврейских религиозных женщин, Израиль представляет собой пуп земли, а «Бог свершил бесчисленное множество чудес, чтобы мы могли жить в Израиле» (Старр Серед 1992: 60). Нина К. пришла к синагоге в еврейский праздник, но было бы неосторожным усмотреть в этом религиозность. Неизвестно даже, зашла ли она туда или ограничилась зрелищем нарядной веселящейся дружелюбной толпы. Если для Лауры М. синагога была чем-то вроде благотворительного фонда, то для Нины К. – это, скорее, клуб. И все же странная просьба автобусной попутчицы, равно как и ритуальная фраза американского филантропа возведены рассказчицами в статус предсказания. Заметим, что для случайных знакомых, предсказавших женщинам эмиграцию, Иерусалим сохраняет свою традиционную роль, в первом случае как место христианского паломничества, а во втором как место воссоединения еврейского народа.

Корина Ю. приехала в Израиль в 1991 г. вместе с дочерью, внучкой и внуком. Все члены семьи мистически настроены и любят рассказывать «о необыкновенном», для чего имеются идеальные условия: семья содержит женскую парикмахерскую, дочь Корины профессионально гадает, а клиентки всегда готовы к беседам. Интервьюер была постоянной клиенткой внучки Корины, которая, узнав об ее интересе к рассказам об эмиграции, воскликнула: «У бабушки есть потрясающая история, которую стоит послушать».

Корина Ю., 67 (ИАФР 20784)

Корина: Когда меня спрашивают, верю ли я в чудеса, то я теперь хочу сказать, что теперь я в них верю. Потому что со мной произошла в жизни такая история, если кому-то рассказать, думают, что я не совсем нормальная. Хотя я Вас могу уверить, что я в полном здравии и в полном уме. Значит, я из Баку. Мне уже шестьдесят семь лет сейчас, а когда я сюда приехала в девяностом году, в девяносто первом году, в декабре мы сюда приехали, мне было шестьдесят три года. Меня как раз за год до этого приняли на работу в дом отдыха, в шикарный дом отдыха на берегу моря, культурным организатором. И когда я возвращалась после танцев домой вечером, меня вдруг осенила такая мысль, что могут меня встретить кто-то с другой планеты. Я всегда говорила: «Ой, я боюсь, вдруг меня парализует». Потому что у нас в городе уже были газеты, много печатали о всяких случаях, о раньше каких мы даже не знали. И я увидела одну звезду, я ее всегда чувствовала, когда она выходила и когда она уходила. И вот, четвертого апреля, я ее поймала, когда она поднималась вверх, и, конечно, звезды так перемещаться не могли. А у нас в Баку, очень часто, где я работала, это место называлось Билья, очень часто были там тарелки, их многие видели, и отдыхающие, и работающие, кто жили там на дачах. И вот, пятого апреля тысяча девятьсот девяносто первого года, после танцев, когда я пришла домой, я жила там одна, потому что дети жили в городе. Я составила план работы на следующий день и легла спать. Я вдруг, а до этого у меня был дикий гипертонический криз первого апреля... Я еле-еле приехала к себе на работу. Когда я легла спать, вдруг я ощутила на своей спине дикую тяжесть, причем я пыталась плечом как будто что-то сдвинуть с себя, но ничего я не ощущала. А в это время уже были всякие газеты, где писали: домовые появились всякие, всякие вот эти ... Я так думала: «Неужели это домовой?» Хотя я взрослая женщина и никогда ни во что в это не верила. Когда я так толкала, у меня... я не ощущала на себе какой-то предмет, но нажим был неимоверно тяжелый. Меня жали, потом – отпустили. Второй раз – потом отпустили. Когда третий раз

надавили, – у меня такой вырвался крик: «Господи! Помогите!» Я слышу звук, но я сама не могу вскочить, не вскакиваю, и на этом все кончилось. Утром я встала неимоверно легко, и я шла туда на работу, к одиннадцати появлялась у руководства у нашего. Когда я стала надевать колготки, я увидела на своей коленке римские цифры. Был май, октябрь и декабрь. А до этого у меня были какие-то здесь штрихи, и я взяла – вытерла (показывает, как вытерла знаки на бедрах).

Интервьюер: Слюной?

Корина: Да, вытерла, не рассмотрела, что это было. А это так явно было вот, май – V, X и XII, что я уже не стерла, меня это заинтересовало. Я пошла, рядом соседка жила. Я говорю: «Посмотри, Жанна, что у меня?» Она говорит: «Ой, Вы отмечены! Я, – говорит, – читала, бывает так». А до этого прошел наш сосед, и так, стесняясь, его позвала, я говорю: «Имран, скажи, пожалуйста», – он там десять лет работал, десять лет жил в этих домиках. Я ему говорю: «У вас домовые в этих домах бывают?». Он говорит: "Какие домовые? Меня инопланетяне сегодня забирали, меня душили!" Он говорит: «Благовещенский праздник!» А седьмого апреля была русская Пасха. Говорит: «Благовещенский праздник». Я ему говорю, что «я им как будто говорю, что я мусульманин», – он даже курд. А ему они сказали: «Бог един, вера – разная». В общем, я, когда спустилась вниз туда, так задернула рукава от жакета, медсестра мне говорит: «Что Вы себе руки разрисовали?» Я говорю: «А где?» Она говорит: «А вот». А здесь у меня был магендавидный знак и три хорошие дороги, которые оканчивались стрелочками. Три штуки: одна, вторая и третья. Честно говоря, я была поражена, конечно, потому что в голове у нас не было куда-то ехать. У меня мама – еврейка, а папа у меня был узбек, так что я нигде не проходила, наша нация, которую могли там... И в Баку вообще спокойно в этом отношении было. Короче говоря, у меня было одно-единственное приглашение с Израиля, и оно было просрочено. И вот эта, женщина, которая пришла сейчас в гости (во время интервью), она ехала в Москву, и я сказала: «Стелла, обновы, мало ли что бывает». А уж если из Баку придется куда-то ехать, то только надо за кордон,

потому что мы ни в одном городе уже после Баку жить не можем. Был исключительно интернациональный город. И вот по этим цифрам, которые были у меня на коленке, значит, я провела, организовала эту всю нашу поездку. В мае, первая как цифра была, я пошла отметить, заняла очередь. Была большая очередь, я была сто сорок четвертая. Пошла в парикмахерскую, и вернулась когда, я говорю: «Какой номер идет?» Говорят: «Сто шестьдесят пятый». Я говорю: «Ой, а я сто сорок четвертая!» Посмотрели по списку. Я говорю: «Я Корина Ю.» И вот так очередь раздвинулась, говорят: «Пожалуйста». Я пришла в шок. Я думаю, ведь у нас никогда не бывает так. Я подошла, он написал мне двойку, потом поднял на меня голову, зачеркнул двойку и написал – тринадцатого мая. А это было восьмого апреля (заметим путаницу в датах). А у нас все ждут три месяца для того, чтобы сдать документы. В общем, оказалось так, что у меня дома никаких документов не оказалось. Свидетельства о смерти папы тоже не было. В общем...

Интервьюер: Мужа?

Корина: Нет, моего отца.

Интервьюер: Вашего?

Корина: Да, надо же все документы доставить. Короче говоря, за месяц все документы пришли ко мне домой. Вот прямо я посылала, мне звонили, говорили: «Придите, купите марку», то есть все. Значит, я так и сдала эти документы с первого попадания».

Рассказ Корины – единственный в этой главе, напрямую связанный со сверхъестественными происшествиями. Корина упоминает домовых, христианские праздники, еврейский символ Маген-Давид и современные НЛО. Влияние технического прогресса на верования массовых потребителей информации – явление универсальное. Как справедливо показал Капитт, те, кто в прошлом могли стать жертвами злых духов, сегодня подвергаются нападению пришельцев. Религиозный опыт наряжается в любые доступные современные слова и определения (Капитт 1998: 39). Смешение образов и понятий легко преодолевается Кориной, а пришельцы

даже объясняют, что «Бог един, а вера разная». Заметим, что и домовые, и пришельцы ассоциируются со злом и в этом смысле синонимичны, в то время как Бог – однозначно связан с добром. Бог представляется абстрактной, неопределенной, но могущественной силой, к которой и обращается Корина за помощью в критический момент. Чудесные события, подвигнувшие всю семью на переезд в Израиль, символически связываются, однако, с христианскими праздниками. Заметим, что с пришельцами столкнулся и другой герой рассказа Корины, мусульманин Имран, подвергшийся нападению в Благовещенский праздник, окруженный в народной традиции большим количеством суеверий и предсказаний (Максимов 1994: 318–321). Подкрепленный историей Имрана, рассказ самой Корины становится более убедительным.

Корина убеждена, что не спала и на самом деле испытала все, о чем рассказывает. Вместе с тем, мы можем предположить, что речь идет о сне или галлюцинациях (напомним о гипертоническом кризе, предшествовавшем «нападению»). Подобные рассказы уже описывались в научной литературе, например, Хаффордом, изучавшим рассказы из Ньюфаундлендского фольклорного архива (Хаффорд 1982). Несмотря на географическую и культурную дистанцию, они во многом близки. По мнению Хаффорда, эти рассказы порождены галлюцинациями или стадией быстрого сна. В текстах, рассмотренных Хаффордом, рассказчики, подобно Корине, связывали физическую слабость и давление в области груди с нападением сверхъестественных сил, будь-то ведьма или кто-то другой, иногда действующих по собственной инициативе, а иногда по наущению других людей (Хаффорд 1982: 8).

Стремясь повысить правдоподобность рассказа, Корина сообщает множество деталей, касающихся места происшествия, предшествующих и последующих событий, а также точных дат. Однако легко заметить, что она путает даты, а ее хронология представляет собой не точное воспоминание, а скорее, символическую конструкцию. Знаки на коже, которые могли быть обычным раздражением, однозначно интерпретированы как месяцы, оставшиеся до

отъезда в Израиль, зрительной метафорой которого становится Маген-Давид.

Судя по рассказу, именно сверхъестественные силы помогают Корине преодолеть советскую бюрократию. Ожидая равнодушия, а то и враждебности, она приписывает быстрое и благополучное завершение процесса подготовки к отъезду непосредственно божественному вмешательству. Напомним, что и Лаура М. добро-сердечное отношение к себе считала подлинным чудом.

Помимо упоминаний о других действующих лицах, Корина апеллирует еще к одному источнику, способному, с ее точки зрения, стать гарантом правдивости ее рассказа, а именно к средствам массовой информации, также сообщавшим о сверхъестественных явлениях. Фольклористы уже обращали внимание на то, что газеты, радио и телевидение, сообщая непроверенную информацию, сами становятся средством распространения современного фольклора, а доверие к печатному слову наделяет опубликованный текст ореолом достоверности в глазах массового читателя. Рассказ Корины, действующими лицами которого являются пришельцы, о которых уже писали газеты, содержит жанровые признаки современной легенды.

Вера в чудеса, составляющая важный компонент религиозного мировоззрения, трансформируется в сознании людей светских в поиск судьбоносных начал, вещих снов и случайных совпадений. Даже в тех случаях, когда эти явления можно объяснить в плане причинно-следственных отношений, сам факт их приуроченности к кризисным моментам в жизни человека в функции выхода из тупика, придает им ошеломительное значение. Роль подобной «синхронности» была справедливо отмечена Ашем: «Постоянная тенденция в этих мини-чудесах состоит в стремлении установить некие взаимоотношения или соответствия, придающие происшествию не случайный, а осмысленный характер» (Аш 1978: 176). Заметим, что мини-чудеса нередко воспринимаются как таковые не только теми, с кем произошли, но и членами их референтной группы.

Создание мифологии успеха характерно для социально активной части иммигрантов. Слушатели реагируют на подобные рассказы двояко: одни видят в них залог собственного успеха, что поддерживает их в непрерывной борьбе с трудностями эмигрантского быта, а другие, – отмахиваются от них, объявляя «байками» или «сказками». Татьяна Щепанская указывает на то, что мистический фольклор участвует как в консолидации сообщества, так и в отторжении им некоторых членов. Она подчеркивает, что он действует и прочитывается внутри сообщества, опосредуя внутригрупповые процессы, в отличие от смехового фольклора, с наибольшей силой проявляющегося в пограничных – межгрупповых и межкультурных – связях (Щепанская 2004: 107). Параллельно с мифологией успеха, в эмиграции процветает и мифология безысходности, постулирующая всевластие несправедливости и бессмысленность попыток преуспеть.

Рассказы о счастливых совпадениях, связанные с репатриацией в Израиль и осознанные в качестве чудес, представляют собой органическую часть еврейского фольклора. Как уже отмечалось, репатриация или *алия* представляет собой заповедь, исполнение которой уже само по себе является наградой. Более того, наградой за репатриацию может оказаться также излечение от болезней и бесплодия, спасение от смерти и многое другое. Естественно, что среди религиозных евреев личные рассказы этого типа встречаются довольно часто. В качестве примера коротко приведем сон о рабби Шаломе Шабази, приснившийся Ёне Синвани из Йемена и записанный Хадарой Селой (ИАФР 18597). Рассказчица, пожилая женщина, вспоминает историю, произошедшую в начале ее жизненного пути. Когда-то в голодный год, во время Песаха, ей приснился старик, назвавший себя ее дедом, что она, однако, отказалась признать. Сон повторился трижды, причем на третью ночь она опознала в старике рабби Шалома Шабази. Тот подтвердил ее правоту и велел ей уехать вместе с мужем далеко-далеко, что значительно улучшит их жизнь. Ёна уговорила мужа подчиниться приказу и двинуться в путь. Путешествие было тяжелым и утомитель-

ным. В Израиль они добрались лишь в Хануку. И тут свершилось чудо, на которое рассказчица лишь намекает. Подробности проясняются из комментария Хадары Селы: чудо состоит в появлении менструации. Выданная замуж в десятилетнем возрасте до начала менструального цикла, Ёна считала себя бесплодной. Устанавливая причинно-следственную связь между выполнением заповеди и излечением от бесплодия, она видит в нем божественную награду за репатриацию, игнорируя, разумеется, естественное половое созревание. Аналогичные толкования совпадений в личных рассказах религиозных евреек из Иракского Курдистана, изучала Сьюзен Старр-Серед (1992: 55, 60). Рассказы с подобной структурой включены в еврейский экотип *776 «Божественные награды». В отличие от религиозных евреев, светские выходцы из бывшего СССР не видят в иммиграции в Израиль исполнение заповеди, а, следовательно, их рассказы не относятся к этому экотипу. Эмиграция воспринимается данной группой как собственное решение или как воля судьбы, что ярко проявилось в рассказе Ольги Ш., 50+:

Ну, во всяком случае, мы не собирались, не собираемся никуда уезжать. А правильно ли мы выбрали место – трудно сказать, потому что это – судьба. От судьбы своей не уйдешь. Какова судьба... И потом, ну, какое? Европа в любом случае закрыта. А Германия... Я, лично, отношусь отрицательно. Опять же чисто психологически. (...) Так что, так судьба сложилась, значит, так и надо.

Большая часть рассказов, приведенных в данной главе, имеет сходную структуру. Эмиграция воспринимается как мучительный перелом, неотделимый от душевных страданий и бедности. Успех в эмиграции воспринимается не как награда за веру, а как счастливый случай, улыбка судьбы. В указателе фольклорных сюжетов Аарне и Томпсона рассказы о счастливых совпадениях отнесены к разделу «Шутки и анекдоты» (АТ 1640–1674). Но наши информанты над случаем не смеются, считая его судьбоносным. Спе-

цифические черты приведенных рассказов позволяют нам выделить новый экотип:

947С*-В Пугающая смена места жительства оборачивается удачей

I. Герой/героиня не могут поменять место жительства или страдают на новом месте жительства в связи с а) незнанием иностранного языка, б) одиночеством, в) отсутствием квартиры, г) отсутствием работы/денег, е) невозможностью учиться, ж) другими сложностями.

II. Герой/героиня стремятся решить проблему (иногда кажущуюся фатальной).

III. Неожиданная помощь приходит в результате счастливого случая: а) от постороннего человека, б) в результате насмешки, в) в результате удачного ответа или г) неудачи (например, разбитое окно), д) в результате других счастливых совпадений.

IV. Герой/героиня решают проблему: а) женится/выходит замуж, б) воссоединяется с потерянным членом семьи, в) находит квартиру, г) находит работу (и/или деньги), д) начинает учиться, е) другие решения.

Эмиграция всегда представляет собой вызов судьбе, особенно для людей, подобно советским евреям, выросшим в закрытом обществе. И в этой ситуации совпадения воспринимаются как чудеса, за которыми, по словам Аша, «стоит вера в существование Чего-то Другого, способного упорядочить отклонения от нормы, и вера эта является бунтарской в своей основе. Чем бы ни оказалось это Другое, оно возносит человека над его исходной судьбой» (Аш 1978: 27). «Нечто» открывается людям в вещих снах и в счастливых совпадениях, привнося элемент чудесного в эмигрантские будни.

Примечания:

¹ Материал данной главы частично опубликован в статье Фиалкова и Еленевская 2001а.

² Цитируем здесь и далее по репринтному изданию (первая публикация в 1891 г.) с использованием современной орфографии.

³ Рассказ переведен с иврита.

⁴ *Хуппа* – балдахин, символизирующий шатер жениха, куда невеста проводилась в древние времена для совершения таинства брака.

⁵ *Микве* – букв. скопление воды. Водный резервуар для омовения (*твила*) с целью очищения от ритуальной нечистоты.